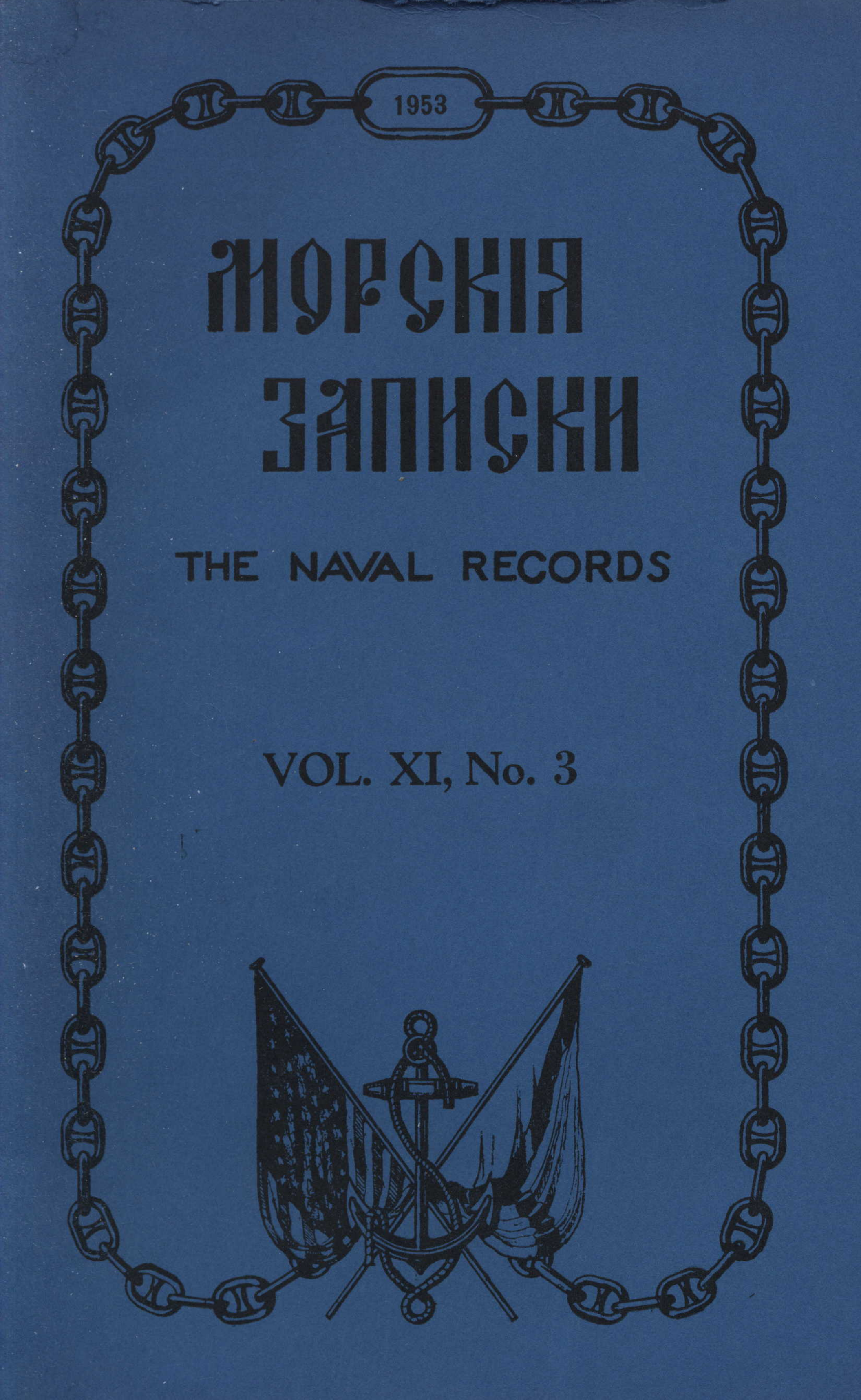

1953
МОРСКІЯ ЗАПИСКИ
THE NAVAL RECORDS
VOL. XI, No. 3

МОРСКІЯ ЗАПИСКИ

Издаваемыя Обществомъ Офицеровъ Россійскаго Императорскаго флота въ Америкѣ подъ редакціей Ст. Лейт. Бар. Г. Н. ТАУБЕ.

465 Лексингтонъ авеню Нью Іоркъ, С. Ш. А.

THE NAVAL RECORDS

Published by the Association of Russian Imperial Naval Officers in America, Inc.

G. N. Taube, Editor.

465 Lexington Avenue, New York 17, N. Y., U.S.A.

VOL. XI. No. 3 *Price $3.00 yearly* *NOVEMBER, 1953*

СОДЕРЖАНІЕ:

Стр.

CONTENTS:

Page

Редакція выражаетъ свою глубокую признательность подписчикамъ, отозвавшимся на извѣщеніе разосланое редакціей 1-го Октября.

Въ этомъ году исполняется:

100 лѣтъ со времени истребленія эскадрой вице-адмирала П. С. Нахимова турецкой эскадры подъ Синопомъ (18 Ноября 1853 г.).

250 лѣтъ со времени основанія Санктъ Петербурга.

Привлекайте новыхъ подписчиковъ и подписывайтесь

на

«МОРСКІЯ ЗАПИСКИ»
на 1954 г.

Вниманію подписчиковъ во Франціи и Французскихъ колоніяхъ:

Просьба пересылать подписную плату представителю «Морскихъ Записок» во Франціи, Лейт. Алексѣю Алексѣевичу Соколову.

Mr. Alex. Sokoloff, 18, rue Lacretelle 18, Paris 15, France

Cheque Postaux, Paris 1390-75

Замѣченныя опечатки въ томѣ XI, № 1/2, Мартъ 1953: страница 26-я, строка 21-я сверху, напечатано: углеродъ. Слѣдуетъ читать: водородъ. Страница 62-я, строка 10-я сверху, напечатано: крейсеръ «Очаковъ». Слѣдуетъ читать: крейсеръ «Кагулъ».

Въ этомъ году исполнилось 90 лѣтъ со времени посѣщенія С. Ш. А. въ 1863 г., русскими эскадрами адмираловъ Лесовскаго и Попова. Желая отмѣтить этотъ юбилей, редакція ниже сего помѣщаетъ статьи Lt. Comm. B. M. Kassel, U. S. N. и А. Г. Тарсаидзе, относящіяся къ этому событію.

RUSSIAN SQUADRONS IN U. S. WATERS IN 1863.

by

Lieutenant Commander Bernard M. Kassell, U.S.N.

Opinion, contained in this article are those of the author, and do not reflect the views of the Navy Department nor the Department of Defence.

One of the more intriguing bits of historical argument still raging in scholarly circles revolves around the visit of the Imperial Russian squadrons to the ports of New York and San Francisco during the Civil War period. Virtually every historian has undertaken to write something on the subject, but the argument remains and groups, about equally divided, can be found on either side of this historical fence.

On the one side is the group which feels that the visits were made out of friendship, purely and simply. This group bases its argument on the fact that Russian-American relations,particularly in the maritime sphere, were particularly cordial when either one of the two nations was embroiled with the maritime Titan, Great Britain.

On the other side is the group which feels that the squadrons were sent to the United States because the Russian Czar, Alexander II, feared an attack by England and France, both hostile to Russia as a result of the ruthless suppression of the Polish revolt by the Czar's forces.

Each side has something to be said for its argument, but neither side, it seems, can completely convince the other. Settlement of the argument, however, seems relatively unimportant when the argument itself is reviewed within the setting of events prior to, and after, the actual visit of the two squadrons.

Whatever the true reason for the visits, and however taken in the partisans of the Northern cause may have been, it is a historical fact, agreed to by all, that from the time the Russian squadrons appeared in our waters, Northern fortunes prospered and, oddly enough, the fortunes of the Czar and his successors did not.

The year was 1863.

In Washington, President Abraham Lincoln sat at his desk in the White House trying to bring into proper perspective reports on two widely separated problems. On the one hand were the reports concerned with the war effort; on the other, reports having to do with the international situation.

We, from our vantage point in time can appreciate the fact that Gettysburg and Vicksburg had been important signposts on the road to ultimate victory for the Union forces. It had not seemed so in 1863. At that time the war did not appear to be going well at all. Perhaps if Mr. Lincoln had had only the problem of domestic relations to deal with he might have been more optimistic.

Mr. Lincoln's difficulties were compounded by the spectre of foreign intervention. England and France, while officially neutral, were not sitting on the sidelines and maintaining that impartial view of the conflict dictated by the principles of international law on the subject of neutrality. Each nation, for different reasons, hoped for a Southern victory. The United States, in English eyes at least, had shown signs of becoming a power of increasing strength in world affairs. To colony owning England this was a disturbing fact indeed. Hence, England hoped for a Southern victory, reasoning that two weak nations to the south of Canada would be, to England at any rate, better than one strong nation.

France, with Napoleon III on the throne, was also officially neutral, but her connivings with the Confederate agents were far more open than were those of England. Her violations of the neutrality laws were more flagrant than were the violations perpetrated by England. Napoleon too was hoping for a division of strength north of Mexico because of his plan, doomed to failure, to establish the Austrian Archduke Maximilian on the Mexican throne.

Let us now travel to St. Petersburg, there to look in on Czar Alexander II, in this fateful year 1863. Alexander too was having his troubles.

Alexander, in 1861, had abolished serfdom in Russia and had managed to avoid a civil war as a result of this action. By 1863, however, revolution had broken out in Poland. Alexander had attempted to win the support of the Poles by restoring, in 1862, the arrangements completed during the period 1815-1830. These arrangements failed to satisfy the extreme Polish nationalists who wanted complete independence. The insurrection spread to Lithuania and White Russia. Insurrection it was, for the Poles had no army. Most of the fighting was done by guerrilla bands. England, France, and Austria made protests to the Czar because of his actions in suppressing the rebellion, but he chose to ignore these protests.

At the same time, Alexander was astute enough to realize that, while he *might* ignore the protests with impunity, there was always a possibility that England and France, with strong naval power on their side, *might*

decide to act with force rather than more words. He was also astute enough to realize that, if the war got hot his Baltic Fleet, which was in a sad state of disrepair, would be bottled up in the Baltic Sea, just as it had been during the Crimean War. His Siberian squadron, in no better shape materially than the Baltic Fleet, was equally vulnerable to attack by British and French naval forces.

Alexander, meanwhile had refused to deal with Confederate agents and in point of fact, had maintained what is termed a "benevolent neutrality" towards the North, a fact which the Nort was quick to realize. The Czar had also refused to join with England and France in their intervention plans.

On its side the North had refused to join in the protest because of the Polish suppressions. This, in its turn, was not overlooked by Russia.

Thus was the stage set for the unheralded, and dramatic entry of the two squadrons of Russian war vessels into United States waters. And thus began the argument which is still going on.

Why did the Russian ships come to the United States? Was it friendship or was it pure selfishness, the desire to save the ships in the event of war, on the part of the Russian Czar?

Strangely enough, both the United States and Russia were faced with a similar problem with regard to where their ships could go. Russia was faced with the realization that, in the event of war, her ships could be blockaded and destroyed. Treaties, to which Russia was a party, would be null and void in the event of war so that, even if the ships broke out of the Baltic or managed to get into the Pacific Ocean, there were no ports wherein Russian ships might find sanctuary or obtain supplies - except in the United States.

In the United States the government was not unaware, nor was it indifferent to the ravages committed by the Confederate cruisers fitted out in England for the purpose of preying on Northern commerce. Admiral David D. Porter, writing in 1886, was far from objective when he stated that: [1]

> "The prompt recognition of the Confederates as beligerants by foreign powers, on the breaking out of the Rebellion, gave to the insurrection a character and strength it could never otherwise have obtained. It encouraged the Confederates to persevere, and assured them of support abroad in any measures they might think proper to undertake, and gave them an opportunity to strike a blow at the most vulnerable point of the north — its commerce"...

While Admiral Porter conceded that "the apparent intention of the declaration of neutrality by the powers of Europe was to exhibit a semb-

---

[1] Admiral David D. Porter, *The Naval History of the Civil War* (New York 1886), p. 466.

lance of fairness," this neutrality was a deception which redounded to the advantage of the South. The North was obliged to acquiesce in the adknowledgement of belligerent rights and assume all the consequences resulting therefrom. The obstacles thrown in the path of Northern cruisers, other than the natural obstacles involved in guarding 7,500 miles of coasts and rivers dotted with harbors and indentations well able to afford refuge to blockade runners, engendered a bitterness on the part of the North which was not easily disspelled. Conversely, the actions of the so-called neutrals made any gestures of friendship all the more acceptable.

The maritime powers of Europe, primarily England and France, after granting belligerent rights to the Confederates, declared that both belligerents should be treated alike in their ports, that the public armed vessels of neither should remain longer than twenty-four hours in their harbors, nor receive supplies or assistance except such as might be absolutely necessary to carry them to their own coasts, and for three months thereafter they should not again receive supplies in any of the ports of those governments.[2]

The neutrality proclamations did not, at any time, affect the Confederates for the simple reason that they then had no vessels afloat. What rankled in the naval breast was the fact that Northern ships were excluded from the principal ports of the world. Admiral Porter concluded:

> "...As to the fairness which assumed to be the motive of the proclamation of neutrality, that must be judged from the history of the times, which will show that these proclamations were merely excuses to allow Confederate cruisers to prey upon American commerce and then find protection from United States vessels-of-war within the jurisdiction of the Great European powers that were professedly in close amity with the United States..."[3]

So the two powers, the United States and Russia, each beset by internal disorder and each pressured by the power politics of England and France were drawn together in much the same manner as any two lonely people are drawn together by the merest gesture of friendship. So strong, in fact, was the desire on the part of the United States for a friendly gesture, that for some time prior to the actual arrival of the Russian squadrons in the United States waters rumors went the rounds that in the offing loomed an alliance between the two nations, an alliance designed to counter Anglo-French intervention.

Suddenly, and dramatically, the Russian squadrons arrived. Not in "fleet" formation,however. The ships straggled into port and, in the ensuing excitement, few people bothered to look beyond the "friendship" read into the coming to look at the condition of the ships. None of the

---

[2] *Loc. cit.*
[3] *Loc. cit.*

ships were in any condition to fight, nor were they powerful enough to stand against the "modern" warships of the times. Practically all were sailing vessels-ill-equipped at that. Yet even this did not seem to matter. The important thing was that here was friendship!

The ships had arrived in two squadrons. One group anchored in New York in September, 1863; the other in San Francisco in October. The New York squadron ultimately grew to six vessels and was under the command of Admiral Lessovsky, with his flag in the *Alexander Nevsky*. The San Francisco squadron, which also numbered about six vessels, was commanded by Admiral Popov. Both fleets were entertained in a lavish manner as befitted the reason for their coming. Relations were most cordial indeed. But Northern enthusiasm was not shared by the South. The South, pinning its hopes for victory on Anglo-French intervention, failed to appreciate the anti-interventionist attitude of the Russians.

The feeling that the Russians had come out of friendship persisted without serious challenge for some time. In fact, the Russians appear to have accepted the American reaction wholeheartedly and, at a later date invoked memories of the visits when a more mellow United States attitude towards Russia seemed desirable.

It was not until 1915 that evidence appeared which seemed to scuttle the theory that the Russian ships came to America out of friendship.[4] Mr. Golder's article, based on material from Russian archives, "proved" that Russia,faced with the possibility of finding her fleets trapped in the event of war, decided to sail them to United States ports where, because of the world situation, they were certain to find a welcome haven and from which, in the event of war, they would be able to sail to prey on enemy commerce.

Not all scholars have accepted Mr. Golder's "proof," however.[5] in essence it appears to boil down to the fact that those who accepted the "save the ships" theory are scholars; those who advocate the "friendship" theory are not. The point is a moot one. Regardless of the theory involved, the point is, did the visit help the people of the North or not?

Remember, the days were dark ones in 1863. The North was beset by its problems, both internal and external. The years between the Declaration of Independence and the beginning of the Civil War had found the United States embroiled in conflicts with both England and France, conflicts which, on occasion, had erupted into open warfare in the case of England. Despite the differences between Russia and the United States,

---

4 F. A. Golder, "The Russian Fleet and the Civil War", *American Historical Review.*** (July, 1915), pp. 801-812.

5 For the "friendship" theory see George Vernadsky, *A History of Russia* (New Haven, 1944, Rev. Ed.), p. 166 and Walter Lippman, *U. S. Foreign policys Shield of the Republic* (Boston. 1943), p. 141. Those favoring the "save the ships" theory include Pauline Tompkins, *American-Russiaan Relations in the Far East* (New York, 1949), p. 12 and Thomas A. Baily, *America Face Russia* (Ithaca, New Yerk, 1950), p. 81.

no such open conflicts had taken place. These thoughts undoubtedly occurred in the minds of statesmen and others who could, with horrible clarity, foresee the results of failure on the part of the North to retain the union of the states. These people, with pardonable understanding, may well have been blinded to the realities of the situation leading to the visits of the Russian squadrons. In fact, the manner in which the Russians were greeted, the celebrations rivaled anything previously seen, seems to indicate that all native caution about entangling alliances had gone overboard.

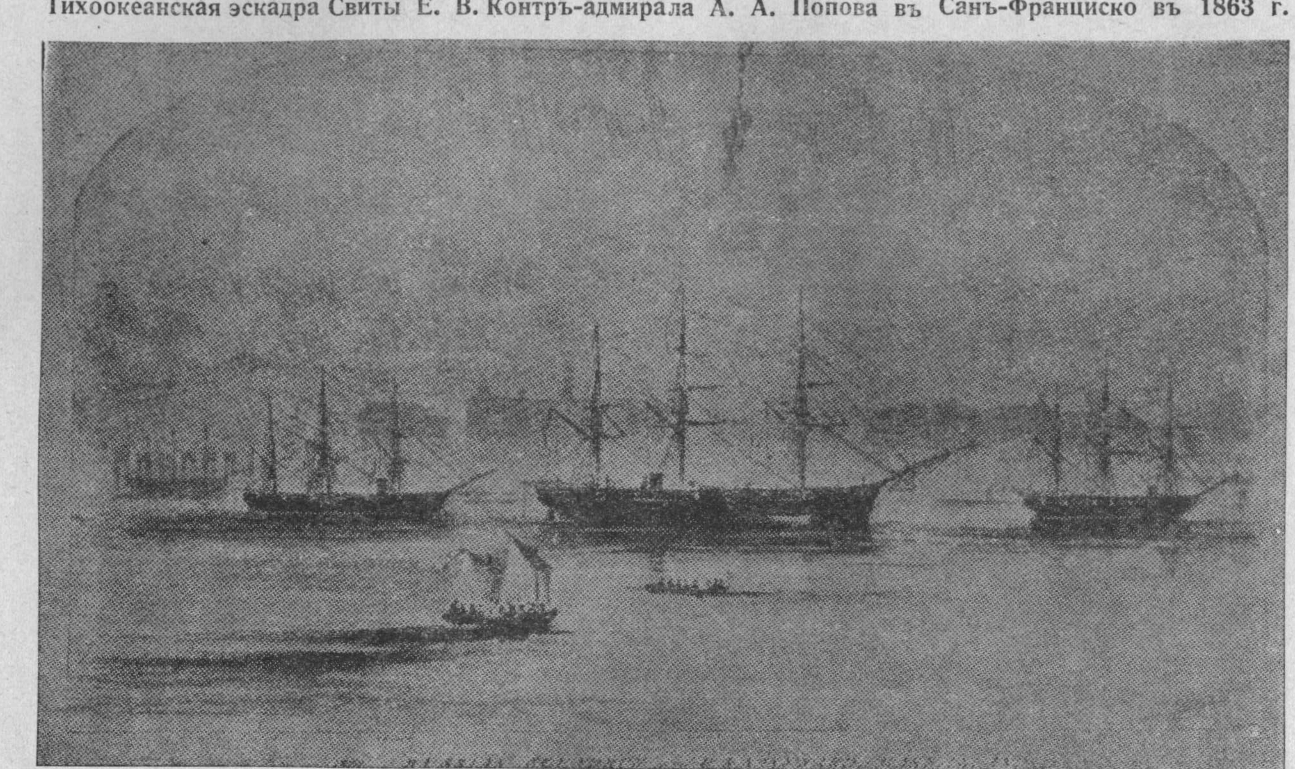
Yet it must be remembered that no *actual* alliance was forthcoming, despite the rumors already mentioned concerning the possibilities of such alliance. Hence we can assume that native sagacity was not entirely lost in the heady atmosphere which prevailed. And, despite the air of defeatism which had prevailed in the North prior to the arrival of the squadrons, from that time forward success crowned the efforts of the North and yielded the ultimate victory. Whatever may have been the real reason for the visits, the mere presence of these hulls in Northern waters seems to have had a vital psychological effect on the peoples of the North. If, as suggested by some writers, the people were taken in by the Russians, no lasting harm appears to have been done, and, if the beliefs of the people in the friendship of the visits helped them, so much the better.

As a matter of fact a survey of contemporary American newspapers and the editorial opinions contained therein has been made, primarily in an attempt to determine whether or not the North was taken in by the visits. The results failed to establish any definite pattern so we are right back where we started from. The ultimate answer to the puzzle lies, necessarily, in the results achieved rather than in the thoughts of this or that editorial writer. Certainly no harm was done by the visits, perhaps only good resulted. It would be idle to attempt to rewrite history in the vein of "what might have been" has had no permanent effect.

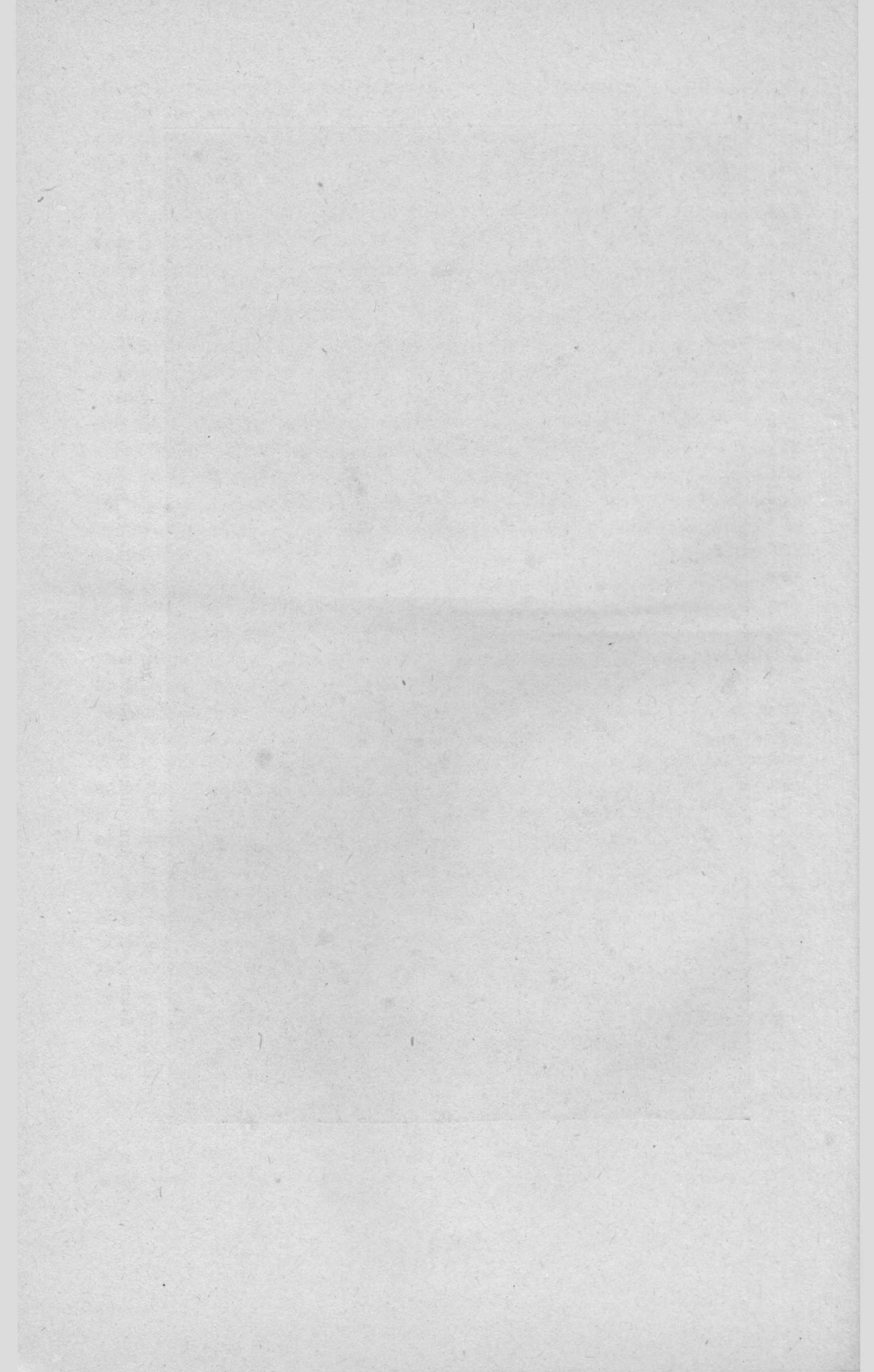
In point of fact, the American people, despite the lingering of the "myth" of the reason behind the fleet visit, and despite the not universally accepted "facts" of the visit, have seen fit to draw their conclusions of friendship or enmity, with appropriate gradations of feelings between the two extremes, from the facts of each individual agreement or disagreement — not from the facts or fallacies of historical events.

The scholarly dispute on this historical episode bids fair to continue for some time. Where, if anywhere, it will end, remains for the future. But it can not be denied that, whatever the reason for the visit during those troubled days in 1863, we, as a nation, despite the gullibility charged to us, have survived. Nor can it be denied that Russia, despite the realism and selfishness of the action in sending the ships, failed to survive. Perhaps there are times when it pays *not* to look a gift horse in the mouth.

Тихоокеанская эскадра Свиты Е. В. Контръ-адмирала А. А. Попова въ Санъ-Франциско въ 1863 г.

(Смотри слѣва направо): *Клиперъ «Абрекъ»* (въ докѣ), *Корветъ «Рында»*, *шлюпки со «Свѣтланы»*, *Корветъ Богатырь*, (флагъ Адм. Попова), *Клиперъ «Гайдамакъ»* (у пристани), *Корветъ «Калевала»*.

А. Г. Тарсаидзе

КЪ 90-ЛѢТНЕМУ ЮБИЛЕЮ ПРИХОДА РУССКИХЪ ЭСКАДРЪ ВЪ АМЕРИКУ, 1863-1953

ОФИЦЕРСКІЙ СОСТАВЪ ЭСКАДРЪ ПОСѢТИВШИХЪ С. Ш. А. ВЪ 1863 ГОДУ

Насколько мнѣ извѣстно, ни въ старой морской, ни въ зарубежной, ни въ совѣтской прессахъ, книгахъ, воспоминаніяхъ и т. д., списки офицерскаго состава эскадръ адмираловъ Лесовскаго и Попова никогда не были опубликованы. А между тѣмъ, просматривая эти списки, приходишь къ заключенію, что имена этихъ офицеровъ принадлежатъ исторіи прежней Россіи.

Лица, посѣтившія Америку въ 60-хъ годахъ прошлаго столѣтія, впослѣдствіи прославились не только на военно-морскомъ поприщѣ, но и оставили по себѣ слѣдъ и въ литературѣ, музыкѣ, исторіи, дипломатіи и администраціи. Сегодня никого изъ этого состава въ живыхъ, конечно, нѣтъ. Хотя, надо указать, что еще недавно, въ эмиграціи находилось нѣсколько участниковъ этого славнаго похода. Насколько извѣстно, за рубежомъ оказались б. гардемаринъ клипера «Алмазъ», Вильгельмъ Линденъ, и отставной кап. 2 р. Г. Н. Коландсъ, скончавшійся въ Нью Іоркѣ въ 1928 г. Лично я, еще въ 1935 году, переписывался съ ген. лейт. Линденомъ, проживавшемъ тогда въ Парижѣ, и сохранившимъ не только полную память, но показавшимъ невѣроятную энергію, несмотря на свои годы. Ген. Линденъ, какъ извѣстно, до послѣднихъ дней своей жизни сотрудничалъ въ нашемъ «Морскомъ Журналѣ», издававшемся въ Прагѣ, нынѣ покойнымъ М. С. Стахевичемъ.

Такъ называемая Морская Экспедиція къ берегамъ Сѣверной Америки въ 1863 году прошла почти-что незамѣченной въ старой Россіи. Объясняется это тѣмъ, что этотъ походъ, весьма секретный, не могъ быть обсуждаемъ ВЪ ДЕТАЛЯХЪ ранѣе 50-ти лѣтней давности. Эта дата исполнилась въ 1913 году. Ввиду того что походъ былъ направленъ противъ Великобританіи и Франціи, въ то время враговъ, а къ началу XX-го вѣка уже союзниковъ, было вполнѣ естественно, что опубликованіе секретныхъ данныхъ почиталось плохой политикой послѣдняго времени передъ первой міровой войной. Не смотря на это, первое, болѣе де-

тальное, полу-офиціальное раскрытіе этой тайны появилось въ «Военной Энциклопедіи» въ 1911 году (статья лейт. Н. Д. Каллистова, М. К. 1904), а вслѣдъ за этой статьей, видимо написанной до 1-ой міровой войны, появился трудъ лейт. В. Е. Гончарова (М. К. 1908), озаглавленный «Американская Экспедиція», напечатанный въ Морскомъ Сборникѣ въ августѣ 1914 г. № 8). Въ томъ же номерѣ была помѣщена и статья А. Бѣломора «Вторая Тихоокеанская Эскадра», (№№ 8 и 10, 1914 г.). Трудъ Гончарова впервые опубликовалъ частично пункты секретной инструкціи адмиралу Лесовскому, а статья Бѣломора представляла воспоминанія, составленныя на основѣ личнаго архива адмирала Попова. Эти три труда были первыми попытками раскрыть истинную цѣль и результаты нынѣ знаменитаго похода.

Какъ извѣстно, этотъ походъ, и до нашихъ дней, далъ пищу для весьма оживленныхъ полемическихъ темъ и дискусскій, какъ въ совѣтской, такъ и въ американской прессахъ.

Дѣло залючалось въ томъ, что эта экспедиція была задумана, создана и исполнена Морскими кругами, **вопреки желанію, и безъ вѣдома и одобренія Министерства Иностранныхъ дѣлъ.** Всѣмъ извѣстно, что въ этомъ вопросѣ моряки оказались на полной высотѣ.

По словамъ П. И. Бѣлавенца («Нуженъ ли намъ Флотъ и значеніе его въ исторіи Россіи», СПБ. 1900 г.), «внезапное снаряженіе и отправленіе этихъ эскадръ... было настоящимъ экзаменомъ нашему флоту за дѣятельность его послѣ Крымской кампаніи... Это внезапное появленіе двухъ сильныхъ русскихъ эскадръ въ портахъ Американскихъ Штатовъ, лежавшихъ въ двухъ океанахъ,... произвело тѣмъ болѣе сильное впечатлѣніе, что оно было совершенно неожиданно. Дѣйствительно, въ первый разъ съ основанія русскаго флота, часть его показалась въ дальнихъ моряхъ въ ту минуту, когда готовившійся союзъ двухъ сильнѣйшихъ морскихъ державъ угрожалъ намъ нападеніемъ на наши собственные берега... въ этотъ періодъ Русскій Флотъ вполнѣ оправдалъ возлагавшуюся на него надежду и безусловно, оказалъ большую службу родинѣ».

Но надо добавить, что безусловная тайна этого похода породила массу легендъ, особенно въ американской прессѣ. Хотя нашъ флотъ и появился у береговъ Америки съ цѣлью найти тамъ базу для активныхъ цѣлей въ случаѣ войны, все же, онъ оказалъ большую моральную помощь и Америкѣ, раздираемой гражданской войной и находившейся все время подъ угрозой интервенціи со стороны Англіи и Франціи. Нашъ флотъ это пріостановилъ. За послѣднее время въ Америкѣ появился рядъ критиковъ, обвиняющихъ старое Русское Правительство во лжи и лицемѣріи, но справедливость требуетъ сказать, что Русское Правительство никогда не претендовало на то, что отправило свои суда въ Америку «для помощи С. Ш. А.». Другой вопросъ, почему эскадры нашли такой здѣсь восторженный пріемъ. Это всякій пойметъ. Болѣе того, критикамъ необходимо замѣтить, что снаряженіе эскадры въ Россіи и под-

готовленіе плана началось какъ разъ тогда, когда положеніе въ С. Ш. А. было самое критическое въ исторіи этой страны.

Не будемъ голословными, и приведемъ заявленіе американскаго историка Д. С. Мозей (D. S. Muzzey «An American History»), который писалъ, что переломъ произошелъ лишь въ іюлѣ 1863 г., послѣ битвъ при Гетисбергѣ и Виксбургѣ, т. е., какъ разъ, когда въ Россіи былъ задуманъ смѣлый планъ. Иначе говоря, русскіе моряки отправляли свои суда въ тотъ моментъ, когда паденіе Штатовъ было почти что рѣшено и интервенція уже готова. Своимъ внезапнымъ появленіемъ русскіе моряки помогли и побѣдамъ Америки и предотвратили и интервенцію, и крахъ самого государства. Какъ писалъ американскій историкъ Ф. А. Голдеръ (American Hist. Review 1915) въ своей статьѣ о походѣ: «...Россія не имѣла въ виду помочь Америкѣ, но оказала намъ опредѣленную помощь, но и С. Ш. А. не знали, что они помогли Россіи, но все же спасли ее отъ униженія и, возможно, войны».

Настоящая моя статья не беретъ на себя задачу дать полное описаніе похода, т. к. это особая тема, пока еще мало использованная, несмотря на то, что совѣты открыли всѣ архивы и, естественно, ихъ изслѣдователи подходятъ къ разбору этого событія «по марксистски», т. е. отрицательно, и весьма тенденціозно. Пока въ Россіи не падетъ совѣтская власть, до этого безпристрастную правду мы не узнаемъ...

Прежде чѣмъ дать списокъ офицеровъ эскадры, необходимо вкратцѣ дать основныя данныя объ этой знаменитой экспедиціи. Помимо труда Каллистова, Гончарова, Бѣломора и Бѣлавенца, я воспользовался трудами совѣтскихъ «историковъ», какъ Е. Адамовъ («Красный Архивъ», 1930, № 38), «Красный Архивъ» 1939, № 94 и «Историкъ Марксистъ», 1936, № 3.— статья А. К. Ефимова, давшія весьма цѣнныя свѣдѣнія изъ архивныхъ матеріаловъ. Надо также упомянуть работу нѣкоего М. М. Малкина, «Гражданская война въ С. Ш. А. и Царская Россія», Ленинградъ 1939 — послѣдняя крупная работа по этому вопросу. Надо замѣтить, что въ трудахъ Малкина, помимо тенденціозныхъ заключеній совѣтскаго толка, есть и ошибки историческаго характера.

Списки офицеровъ я почерпнулъ изъ «Морского Сборника» за 1863 и 1864 годы, а также, для ихъ провѣрки, и изъ американскихъ газетъ.

5/17 Апрѣля 1863 г., Франція, Англія и Австрія представили ноту протеста Россіи противъ репрессій въ Польшѣ. Сразу, послѣ этого дня вся страна начала усиленную подготовку къ войнѣ. 28 Мая 1863 года, Членъ Государственнаго Совѣта, престарѣлый адмиралъ Мелиховъ (скончался 3 Ноября 1863 г.), представилъ записку «о необходимыхъ мѣрахъ на случай разрыва съ нѣкоторыми европейскими державами». 3 Іюня ст. ст. записку получилъ Государь, который и передалъ ее Управляющему Морскимъ Министерствомъ, адмиралу Краббе. Записка предлагала немедленное отправленіе «нѣсколькихъ клиперовъ въ порты С. Ш. А. съ тѣмъ, что когда возгорится война, они были бы употреблены противъ коммер-

ческихъ судовъ» врага. Но надо добавить, что уже 22-го Апрѣля ст. ст., эту же мѣру Морское Министерство предложило Свиты Его Величества, контръ-адмиралу А. А. Попову, командовавшему Тихоокеанской эскадрой.

Вопросъ объ Атлантической эскадрѣ не получилъ разрѣшенія до второй ноты протеста въ Іюнѣ мѣсяцѣ. Ввиду этого, адмиралъ Краббе поручилъ разработать этотъ вопросъ слѣдующимъ лицамъ: — контръ-адмиралу И. А. Шестакову, помощнику Главнаго Командира Кронштадтскаго порта по морской части, проведшему много времени въ Америкѣ, откуда, въ 1858 г. онъ привелъ въ Кронштадтъ, построенный тамъ «чудо техники», фрегатъ «Генералъ-Адмиралъ», кап. 1 р. В. А. Римскому-Корсакову, исп. долж. Директора Морского Корпуса и кап. 1 р. К. П. Посьету — знатоку по заграничнымъ плаваніямъ. Эта комиссія, послѣ разсмотрѣнія разныхъ проэктовъ, представила свои заключенія адмиралу Краббе.

23 Іюня 1863 г., т. е. по новому стилю 5 Іюля, въ день взятія Виксбурга, первой побѣды сѣверянъ послѣ ряда неудачъ, о чемъ, конечно, еще не знали въ С. Петербургѣ, адмиралъ Краббе подалъ Императору докладную записку о необходимости посылки эскадры въ Атлантическій океанъ. Черезъ два дня Императоръ Александръ II разрѣшилъ «привести въ исполненіе» указанное въ докладѣ Морского Министра и уже 26 Іюня с. г. началось комплектованіе эскадры. 7 Іюля была послана шифрованная телеграмма въ Афины съ приказаніемъ фрегату «Ослябя» отправиться изъ Трои въ Геную, и ждать тамъ дальнѣйшихъ приказаній. Впослѣдствіи, «Ослябя» снялся таинственно изъ Кадикса 8/20 Августа и появился также неожиданно въ Нью-Іоркѣ 23 дня спустя, т. е. 30 Авг./11 Сент. — первая ласточка русскаго отряда.

Кронштадтскій же отрядъ, въ составѣ: фрегатовъ «Александръ Невскій» (флагманскій), «Пересвѣта» и клипера «Алмазъ», покинулъ портъ 17/29 Іюля. Корветы «Витязь», «Варягъ» изъ Ревеля, а клиперъ «Алмазъ» изъ Кронштадта, зашли въ Киль, который покинули — первые 25 Іюля/6Августа, и послѣдній 23 Іюля/4 Августа. Появились они въ Нью Іоркѣ въ разное время, и пришли разными путями въ самый портъ. Походъ былъ тяжелый, лежалъ черезъ сѣверную оконечность Англіи и продолжался от 48 дней изъ Киля («Витязь» и «Варягъ»), до 55 дней изъ Кронштадта (фрегаты) и «Алмазъ» — 68 дней.

«Александръ Невскій» и «Пересвѣтъ», согласно приказа адмирала Лесовскаго, зашли въ портъ города Стонингтонъ въ штатѣ Конетикутъ 9/21 Сентября, 12/24 встали на якорь въ Флошингъ-бей, Лонгъ-Айландъ, и лишь 13/25 Сентября, узнавъ, что Россія не объявила войны, черезъ Истъ-Риверъ вошли въ портъ Нью-Іоркъ, ставъ на якорь недалеко отъ Статенъ-Айландъ.

«Варягъ» и «Витязь» пришли черезъ Санди Хукъ, т. е. прямо изъ океана, 12/24 Сентября и встали на якорь въ Нордъ Риверъ, у «пира»

№ 12. «Ослябя» ошвартовалась уже раньше у «пира» № 8. (См. «N. Y. Herald», отъ 25 Сентября 1863 г.).

«Алмазъ», запоздавшій изъ за штиля и шторма, прошелъ черезъ Санди Хукъ въ Нью-Іоркскій портъ прибылъ лишь 27 Сент./11 Октября.

Входъ въ гавань Нью-Іарка былъ сдѣланъ согласно обдуманнаго плана адмирала Лесовскаго.

Эскадра покинула Америку въ 1864 г.: фрегаты «Александръ Невскій», «Пересвѣтъ» и «Ослябя» изъ Бостона, 4/16 Іюня, «Варягъ» 18/31 Мая изъ Нью-Іорка, «Витязь» 4/10 Іюня изъ Бостона и «Алмазъ» 25 Апр./8 Мая изъ Нью-Іорка.

Тутъ же интересно добавить, что ни нашъ посланникъ въ Вашингтонѣ, дѣйств. стат. совѣтн. Эдуардъ Стекль, ни Американское Правительство не знали о предстоящемъ приходѣ эскадръ въ Америку. Вся подготовка для пребыванія эскадры въ Америкѣ была сдѣлана капитанъ-лейтенантомъ А. Е. Краунъ, спеціально посланнымъ въ Америку адмираломъ Лесовскимъ еще въ Іюлѣ мѣсяцѣ. Къ сожалѣнію, детали о столь важной миссіи этого офицера я найти нигдѣ не могъ. Извѣстно только, что онъ остался въ Америкѣ въ качествѣ Военно-морского Агента.

Что же касается эскадры адмирала Попова, то она, находясь въ Тихомъ океанѣ, вдали от центра, и потому въ плохо налаженныхъ почтовыхъ сообщеніяхъ (почта доходила до нее изъ СПБ-га черезъ 2½ мѣсяца) — была предоставлена болѣе самостоятельной дѣятельности.

Адмиралъ Поповъ уже съ Мая мѣсяца усиленно готовился къ началу военныхъ дѣйствій, и уже 20 Іюля (1 Августа) приказал клиперу «Гайдамакъ» слѣдовать въ Санъ-Франциско. Отрядъ адмирала Попова къ этому времени состоялъ изъ корвета «Богатырь» (флагманъ), корветовъ «Новикъ», «Калевала» и «Рында», и клиперовъ «Гайдамакъ» и «Абрекъ».

Любопытно отмѣтить, что адмиралъ Поповъ, бывавшій не разъ въ Америкѣ, самолично рѣшилъ сосредоточить свою эскадру въ Америкѣ даже до полученія имъ извѣстія (кстати, онъ узналъ объ этомъ лишь въ Санъ-Франциско) о прибытіи эскадры Лесовскаго въ Нью-Іоркъ. Надо добавить, что уже въ Маѣ 1860 г. флигель-адъютантъ капитанъ 1 ранга Поповъ, тогда еще начальникъ отряда въ Тихомъ океанѣ, отдалъ приказъ капитанъ-лейтенанту Андрееву, «дежурному штабъ-офицеру на фрегатѣ», слѣдующаго содержанія: «Если вы получите извѣстіе о разрывѣ нашемъ съ Англіей, то направляйтесь въ Нью-Іоркъ или какой-либо другой изъ портовъ С. Ш.». Этотъ приказъ былъ открыто напечатанъ въ «Морскомъ Сборникѣ» № 9 1860 г. Болѣе того, тотъ же «Морской Сборникъ» опубликовалъ въ ноябрьскомъ номерѣ 1862 г. слѣдующій приказъ: «21 Октября 1862 г. **отправился** изъ Кронштадта клиперъ «Алмазъ» въ Нью-Іоркъ, гдѣ будетъ находиться въ распоряженіи нашего посланника. Конечно, этотъ приказъ не былъ выполненъ и объявленіе его печатно, видимо, объясняется измѣненіемъ обстоятельствъ. Вмѣсто похода въ Нью-Іоркъ, «Алмаз» пошелъ въ Киль, откуда перешелъ въ Англію, въ Греве-

зендъ. Въ Англіи клиперъ задержался 4 мѣсяца ввиду различныхъ починокъ и, въ Февралѣ 1863 г. вернулся въ Балтійское море для наблюденія за польскими контрабандистами, провозившими оружіе. Вернулся «Алмазъ» въ Кронштадтъ 13 Іюля и уже на слѣдующій день ушелъ въ С.Ш.А.

Я привелъ эти факты, чтобы показать насколько плохо была поставлена организація развѣдки у англичанъ. Несмотря на большой секретъ, можно было уже разгадать возможные будущіе планы русскихъ. Это не было сдѣлано.

Перейдемъ къ эскадрѣ Попова. Характерно, что даты прихода судовъ въ Санъ-Франциско, обыкновенно пріурачиваютъ, даже русскіе, ко времени прихода въ Нью-Іоркъ судовъ адмирала Лесовскаго. Это же было совсѣмъ не такъ. Первымъ русскимъ кораблемъ, появившимся у береговъ Америки былъ корветъ «Новикъ», разбившійся около Санъ-Франциско въ туманѣ у пойнтъ Рейсъ 14/26 Сентября. Это было полная потеря для отряда адмирала Попова; «Новикъ» былъ проданъ на сломъ. Войди онъ, безъ аваріи, въ Санъ-Франциско, онъ былъ бы на день позже «Александра Невскаго» и «Пересвѣта». Вторымъ 28 Сентября (11 Окт.), появился корветъ «Богатырь», пройдя въ 33 дня изъ Порта Св. Ольги (на берегу Восточнаго океана). За нимъ пришелъ клиперъ «Гайдамакъ» 4/16 Октября, совершивъ путь изъ Николаевска на Амурѣ въ 34 дня. Корветъ «Калевала» прибылъ 6/18 Октября, будучи 18 дней въ пути изъ Гонолулу. Клиперъ «Абрекъ» прибылъ лишь 16/28 Окт., 54 дня въ пути изъ Шанхая и, наконецъ, корветъ «Рында» — 26 Окт. (7 Ноября) дополнилъ эскадру, совершивъ 30-ти дневный походъ изъ Хакодате. Немедленно адмираломъ Поповымъ была установлена связь съ адмираломъ Лесовскимъ черезъ спеціальнаго офицера-курьера. Кого послалъ адмиралъ Поповъ мнѣ неизвѣстно, но адмиралъ Лесовскій отправилъ въ Калифорнію своего флагъ-капитана, Соковнина.

Перейдемъ теперь къ описанію судовъ, численности командъ и т. д., придавъ къ этому полный списокъ офицерскаго состава обоихъ отрядовъ.

Атлантическій отрядъ, подъ командой контръ-адмирала, Степана Степановича Лесовскаго, состоялъ изъ слѣдующихъ боевыхъ судовъ:

Фрегаты: «Александръ Невскій» (флагманскій), «Пересвѣтъ» и «Ослябя».

Корветы: «Варягъ» и «Витязь».

Клиперъ: «Алмазъ».

Тихоокеанскій отрядъ, подъ командой Свиты Его Величества контръ-адмирала Андрея Александровича Попова, состоялъ изъ слѣдующихъ боевыхъ судовъ:

Корветы: «Богатырь» (флагманскій), «Новикъ», «Рында» и «Калевала».

Клипера: «Гайдамакъ» и «Абрекъ».

Всего, въ обоихъ отрядахъ, 12 кораблей.

ОФИЦЕРСКИЙ СОСТАВЪ ЭСКАДРЫ

Контръ-Адмирала С. С. ЛЕСОВСКАГО

Флагъ-капитанъ:	кап.--лейт. В. П. Соковнинъ
Флагъ-офицеръ	лейтенантъ Семечкинъ
По спец. назначенію:	кап. 2 ранга А. Е. Краунъ

Фрегатъ «Александръ Невскій»

Командиръ:	флиг.-ад. кап. 1 р. М. Я. Федоровскій
Стар. Офицеръ:	кап.-лейт. Пилкинъ
Лейтенанты:	Николаевъ, Моисѣевъ, Коксаль, Новосильскій, Яковлевъ, Полозовъ.
Мичманы:	Вишняковъ, Лазаревъ.
Корп. фл. штурмановъ:	Дьяковъ, Петровъ.
Корп. Морск. Артил.:	капит. Гавришевъ.
Корп. Инж. Мех.:	Гаусманъ, Сергѣевъ.
Судовые врачи:	Хохряковъ, Зайкевичъ.
Гардемарины:	Серг. Палтовъ, Вятковскій, Вл. Перелешинъ, Броневскій, Чихачевъ, Алексѣй Щетининъ.
Кондукторы Морск. Техн. Школы въ Кронштадтѣ:	Владиміръ Погожевъ, Дмитрій Погожевъ.

Фрегатъ «Ослябя»

(по америк. газетамъ сент. 1863 г.)

Командиръ:	капитанъ 1 ранга И. И. Бутаковъ.
Стар. Офицеръ:	лейтенантъ П. П. Тыртовъ.
Лейтенанты:	Авиновъ, Ермолаевъ, Валицкій, ДеЛивронъ, Еремѣевъ, Пальмгренъ.
Мичманы:	Амосовъ, Федосѣевъ.
Корп. флот. штурм.:	Семеновъ, Трапезниковъ, Барабанчиковъ.
Корп. Морск. Артил.:	поруч. Богдановъ, Поликарповъ.
Корп. Инж. Мех.:	Тихановъ, Тетесгофъ, Ивановъ, Муррей.
Судовые врачи:	Хрынцевичъ, Хольстъ.
Гардемарины:	Громстемъ, Милюковъ, Бровцынъ, Ельчаниновъ, Тудеръ, Струмиловъ.

Фрегатъ «Пересвѣтъ»

(по америк. газетамъ Сент. 1863 г.)

Командиръ:	кап.-лейт. Копытовъ
Стар. Офицеръ:	кап.-лейт. Гаддъ
Лейтенанты:	Леоновъ, Гренивистъ, Стромиловъ, Эстляндеръ, Герсонъ, Афанасьевъ.
Мичманы:	Вернандеръ, Давыдовъ.
Корп. Флот. Штурм.:	Козаковъ, Курьянкъ.
Корп. Морск. Артил.:	Фридовскiй
Корп. Инж. Мех.:	Абашкевичъ, Тверской, Гавриловъ
Судовые врачи:	Тростъ, Ингансенъ.
Гардемарины:	Энгельгардтъ, Андрей Давидсонъ, Варковъ, Бергъ, Измайловъ, Давыдовъ, Алексѣй Долговъ, Потемкинъ, Клочковъ, Чрискевскiй, Тимирязевъ, бар. Конрадъ Фитинговъ, Алексѣй Твороговъ, Волчковъ, Михайловъ, Никоновъ, Гуновичъ, Апаимъ.

Клиперъ «Алмазъ»

(Ноябрь 1864 г.)

Командиръ:	кап.-лейт. Павелъ Зеленый*
Стар. Офицеръ:	лейтенантъ Леонидъ Михайловъ.
Лейтенанты:	Павелъ Племянниковъ, бар. Отто Нолькенъ
Мичманъ:	Егоръ Бережныхъ — ревизоръ.
Корп. Флот. Штурм.:	подп. Ал. Петровъ — стар. штурманъ
Корп. Инж. Мех.:	подп. Вл. Екимовъ
Судовой врачъ:	надв. совѣт. Валерiй Витковскiй
Гардемарины:	Вильгельмъ Линденъ, Ипполитъ Андреевъ, Алексѣй Бахтереевъ, Николай Римскiй Корсаковъ**
Кондукторы:	
Корп. Флот. Штур.:	Павелъ Мордвиновъ.
Корп. Морск. Артил.:	Влад. Теретьевъ.
Корп. Инж. Мех.:	Николай Рагозинъ
Юнкеръ:	Игнатiй Екимовъ
Унт. оф. I статьи:	Адольфъ Осмаловскiй, содерж. по мех. части.

---

* впослѣд. градоначальникъ Одессы

** впослѣд. извѣстный композиторъ

Корветъ «Витязь»

(по америк. газет. отъ Сент. 1863 г.)

Командиръ:	кап.-лейт. О. К. Кремеръ*
Стар. Офицеръ:	Шафровъ.
Лейтенанты:	Леонидъ Кашинцовъ, Кусковъ, Быковъ, Якобсенъ, Иванъ Унковскій.
Мичманы:	Булыгинъ, Билкинъ, Черкасовъ.
Корп. флот. штурм.:	Семеновъ, Козловъ.
Корп. Морск. артил.:	подп. Амельфинъ.
Корп. Инж. Мех.:	Бегичевъ, Козловъ.
Судовой врачъ:	кол. асс. Н. Корневъ.
Гардемарины:	Карпеланъ, Вульфъ, Гревенсъ, Волосовъ, Лерлонъ, Караваевъ, Лангъ, Турисовъ, Бландевъ.

Корветъ «Варягъ»

(по америк. газет. отъ Сент. 1863 г.)

Командиръ:	кап.-лейт. Р. А. Лундъ.
Стар. Офицеръ:	лейт. Митр. Егор. Колтовской.
Лейтенанты:	Конст. Роман. Бойль, Бологовской, Трановъ, Татариновъ, фонъ Грюнвальдъ.
Мичманы:	Бауеръ.
Корп. Флот. Штурм.:	Семеновъ, Васильевъ.
Корп. Морск. Артил.:	подп. Кугушевъ.
Корп. Инж. Мех.:	Кмитта, Кузнецовъ, Сергѣевъ.
Судовой врачъ:	Ларіоновъ.
Гардемарины:	Алексѣевъ**, Румянцевъ, Телабарскій, Ломенъ, Гольдбахъ, Армфельдтъ, Дмитріевъ, Рыковъ, Зиновьевъ, Мякининъ.

ОФИЦЕРСКІЙ СОСТАВЪ ТИХООКЕАНСКОЙ ЭСКАДРЫ

Свиты Его Величества, Контръ-адмирала А. А. ПОПОВА

Корветъ «Богатырь»

Командиръ:	кап. 2 р. П. А. Чебышевъ
Стар. Офиц.:	лейт. П. Тыртовъ.

Остальныхъ именъ отыскать не удалось кромѣ кадета Николаевскаго Морского Училища Степана Макарова — будущего адмирала, который затѣмъ былъ переведенъ въ Николаевскъ-на-Амурѣ. Покинулъ «Богатырь» 19 Мая 1864 г.

---

* впослѣд. ген. адъют., Членъ Госуд. Совѣта

** впослѣд. Намѣстникъ Е. В. на Д. Востокѣ

Клиперъ «Гайдамакъ»

(лѣтомъ 1864 года)

Командиръ:	кап.-лейт. Алексѣй Ал. Пещуровъ*
Стар. Офиц.:	кап.-лейт. Пав. Нахимовъ
Лейтенанты:	Пав. Новосильцевъ, Вл. Житковъ, Фед. Авеланъ**
Мичманы:	Петръ Дурново (пер. съ «Калевалы», Ник. Быковъ (перевед. съ «Абрека»), Мих. Верховскій, Ник. Зеленой, Ник. Рогуля, Ал. Зоринъ, Мих. Кутровъ.
Корп. Флот. Штур.:	подп. А. Пашинниковъ
Корп. Инж. Мех.:	подп. А. Олюнинъ
Судовой Врачъ:	колл. асс. Вас. Шеломовъ

Клиперъ «Абрекъ»

(отъ 21 Марта 1863 г.)

Командиръ:	Кап. 2 р. Конст. Павл. Пилкинъ I
Лейтенантъ:	Фед. Геркенъ
Мичманы:	Ник. Повалишинъ, Алекс. Балкъ I, Ал. Леманъ, Ник. Быковъ.
Корп. Флот. Штурм.:	прапор. В. Салтановъ
Корп. Инж. Мех.:	подпор. Н. Стронскій
Судовой врачъ:	Ф. Гольбекъ
Гардемаринъ:	Конст. Самсыгинъ
Юнкеръ флота:	Фридр. Энквистъ
Кондукторъ М. Т. Ш.	Тимоф. Будринъ

Корветъ «Рында»

(Сентябрь 1863 г.)

Командиръ:	лейт. Влад. Басаргинъ***
Стар. Офиц.:	лейт. Петръ Полянскій
Лейтенанты:	Павелъ Бурачекъ, Ал. Перелешинъ, Ник. Шахматовъ
Мичманы:	Фед. Клопотовъ, Павелъ Гертнеръ, Конст. Леманъ
Корп. Флот. Штурм.:	прап. Н. Бутыркинъ, прап. Н. Дуркинъ
Корп. Инж. Мех.:	прап. Г. Архиповъ
Судовой врачъ:	колл. асс. В. Павлицкій

---

* впослѣд. Управл. Морск. Минист. 1880-81

** впослѣд. Управ. Морск. Минист.

*** впослѣд. адмиралъ, ген. адъютантъ

Корветъ «Новикъ»

(по америк. газетамъ 23 Сентября 1863 г.)

Командиръ:	кап.-лейт. Конст. Григ. Скрыплевъ
Стар. Офицеръ:	лейт. С. Тыртовъ
Лейтенанты:	Ф. Авеланъ (впосл. пер. на «Гайдамакъ») А. ДеЛивронъ, Н. Гетыревъ, П. Гарднеръ, А. Седеснеръ, В. Шеломовъ
Корп. Флот. Штурм.:	М. Хребцовъ, С. Дуркинъ
Корп. Инж. Мех.:	Т. Проско
Гардемарины:	А. Пиленко, Г. Барташевичъ, М. Реуновъ (перев. на «Калевалу»), Н. Васильевъ

Корветъ «Новикъ» разбился на каменьяхъ 14/26 Сентября 1863 г. у Санъ-Франциско, и всѣ офицеры были распредѣлены по другимъ судамъ эскадры.

Корветъ «Калевала»

(от 22 Марта 1863 г.)

Командиръ:	кап.-лейт. Федоръ Желтухинъ
Стар. Офиц.:	лейт. Влад. Верховскій
Лейтенантъ:	Алекс. Перелешинъ
Мичманы:	Андрей ДеЛиворнъ, Алексѣй Балкъ Яковъ Гильдебрандъ, Петръ Дурново*
Корп. Флот. Штурм.:	прапор. Вас. Герасимовъ, Ив. Сидоровъ, Ник. Дуркинъ
Корп. Инж. Мех.:	прап. Ив. Антипенко
Корп. Морск. Артил.:	прап. Дмит. Щелкуновъ
Судовой врачъ:	колл. асс. К. С. Сибиряковъ
Гардемарины:	Конст. Зеленой, Вас. Вахтинъ, Викт. Юрковскій, Ив. Сарычевъ, Мих. Реуновъ
Іеромонахъ	о. Виталій
Кадеты Морск. Корпуса:	К. Станюковичъ**, Стоговъ
Учитель анг. языка:	Макъ-Магонъ

* впослѣд. Министръ Внутреннихъ Дѣлъ въ 1900 г.
** впослѣд. извѣстный морской писатель

ЭСКАДРА АДМИРАЛА ЛЕСОВСКАГО

	ФРЕГАТЫ			КОРВЕТЫ		КЛИПЕРЪ
	Александръ Невскій	*Пересвѣтъ*	*Ослябя*	*Варягъ*	*Витязь*	*Алмазъ*
Построенъ	1861	1860	1860	1862	1862	1861
Мѣсто постройки	СПБ.			Финлян.	Финлян.	СПБ.
Матеріалъ	дер.	дер.	дер.	дер.	дер.	дер.
Длина — футы	270	250		223	225	240
Ширина — футы	51	50		39	38	29
Водоизмѣщеніе	4562	3837	2976	2156	2156	1585
Машина и винтъ	1	1	1	1	1	1
Сила машины — лс.	800	450	360	360	360	350
Вооруженіе — орудія	51	51	45	17	17	7
Команда	637	486	506	280	282	280
Исключ. изъ списковъ	(погибъ 13.3.68)	1874	1874	1886	1895	1881

ЭСКАДРА АДМИРАЛА ПОПОВА

	КОРВЕТЫ			КЛИПЕРА		
	Богатырь	*Новикъ*	*Калевала*	*Рында*	*Гайдамакъ*	*Абрекъ*
Построенъ	1860	1856	1856	1858	1860	1860
Мѣсто постройки						
Матеріалъ	—	—	—	дер.	дер.	дер.
Водоизмѣщеніе	2155	885	1392	903	1094	1069
Машина и винтъ	1	1	1	1	1	1
Сила машины — лс.	360	200	250	160	250	300
Вооруженіе — орудія	17	7	15	17	7	5
Команда	312	160	196	дер.	дер.	дер.
Исключ. изъ списковъ	1888	(погибъ 14.6.63)	1872	1871	1886	1892

Въ заключеніе слѣдуетъ добавить, что къ концу зимы 1863 года въ Нью-Іоркъ прибыла супруга адмирала Лесовскаго. Неизвѣстно какъ она вернулась въ Россію.

Помимо этого, лейтенантъ Седлецкій прибылъ на эскадру курьеромъ изъ Санктъ Петербурга. Связь все время держалась черезъ курьеровъ и депешами. *Послѣднія шли почтовыми пароходами до Англіи и уже* оттуда передавались по телеграфу въ Россію.

Отозваніе эскадръ было дано приказомъ отъ 25 Апр. (7 мая) 1864 г. Эскадра адмирала Лесовскаго прибыла въ Россію разновременно, въ 1864 году. Высочайшимъ приказомъ, послѣ смотра, весь личный составъ получилъ благодарность, награды и годовой отпускъ. Приказъ былъ данъ 17 августа 1864 г.

Интересно отмѣтить, что успѣхъ этого похода не разъ далъ возможность России повторить такого рода «демонстраціи». Это было сдѣлано въ 1876, 1877 и въ 1880 гг. Это особая тема и не входитъ въ рамки этой статьи.

Остается сказать еще два слова о легендѣ, распространившейся послѣ опубликованія въ 1922 году, воспоминаній американца Ф. К. Лейна, въ которыхъ послѣдній увѣряетъ, что слышалъ изъ достовѣрнаго источника, что изъ суммы въ 7.200.000 долларовъ, заплаченной за Аляску, 1.400.000 было, яко-бы, уплочено по «издержкамъ по пребыванію русскаго флота въ Американскихъ водахъ». Не представивъ никакихъ фактовъ по этому вопросу, надо считать заявленіе Ф. К. Лейна голословнымъ, необоснованнымъ и исторически не вѣрнымъ.

A. Tarsaidze.

ALEXANDRE S. POPOV — RUSSIA'S RADIO INVENTOR 1859-1906

With a great deal of interest I have read an unsigned and undated article, translated from "Le Giornale d'Italia" of 1952, No. 641, which appeared in the "United States Naval Institute Proceedings", Vol. 79, Jan. 1953, page 108.

This article, presumably written by an Italian Naval officer on board of the cruiser"Carlo Alberto", which arrived in Cronstadt on July 12, 1902, on account of a state visit of King Victor Emmanuel III of Italy, tries to disclaim the repeated Soviet assertions in hailing the late Russian Professor A. S. Popov as the "first inventor of wireless telegraphy". To fortify his statement that the first radio inventor was Guglielmo Marconi, and not the Russiian Professor Popov, the unnamed author quotes the statement of A. S. Popov, who "had scarcely set foot on deck (of the "Carlo Alberto") announced in French, clearly and audibily,... that "I have come to pay my respects to the father of wireless telegraphy, Signor Marconi". The author also quotes the conversation which took place, adding: "I (Popov) never made experiments in transmission of electric waves for wireless telegraphy. This I did only after publication in the scientific press (in 1897) on your (Marconi's) great invention of which you are the father." The answer of Marconi, as quoted in the article. was as follows:" ... You (Popov) in Radio, as Professor Righi (who counselled Marconi) as Professor (Sir Oliver) Lodge in England reached the door of the invention of wireless telegraphy. I had the good fortune to open the door."

In fairness to the memory of the late A. S. Popov (he died when 46 years old in 1906), one should stress the fact that he never claimed to be "the father of the wireless telegraphy." This could be confirmed by numerous articles published during and after his lifetime (before the Soviet revolution of 1917) including his two biographies which appeared in the Russian Encyclopedia Brokhouse-Efron (see article: "A. S. Popov" Vol. 48, page 558, St. Petersburg 1898; article "Telegraphy" Vol. 64, page 789, St Petersburg 1901, as well as articles in the same encyclopedia on "Marconi" Supplementary Volume II, Page 142, St. Petersburg 1906).

However, it is of interest to record what exactly was claimed by Popov in the days of old Russia when drazen Soviet propaganda was an un-

known factor. The first article (1898) stated that Popov published in 1896 a paper dealing with the "apparatus to receive and register electric waves," which as a result, "adds the Encyclopedia," allowed Popov to achieve telegraphy with the aid of electromagnetic waves without wires. The apparatus built later for the same purpose by G. Marconi in England, basically was the same as the apparatus of Popov..."

The article, published in 1901, is even more explicit. Discussing Branly's pioneer work of 1891 in the field of electromagnetic waves, the author states this "*independent*" ᴀ*underlined* by me) from each other Messers: Lodge, Popov and Marconi have used their invention for the purpose of wireless telegraphy. Lodge has described his tests in 1897, dispite this he had shown his experiments several years earlier. A. S. Popov exhibited his apparatus and its experiments at the April meeting of the Physic-Chemical Society in 1895, when a message was dispatched from one building to the other at a distance of 600 meters. The message read "Heinrich Hertz." The first information regarding the experiment of Marconi in London became known in 1896.

Now, let us cite the publications regarding practical application of Popov's appartus for wireless telegraphy. While 1898 encyclopedia's article on Popov is entirely devoid of describing his practical experiments, the supplementary volume of 1906 discussed the event of January 1900, "When a radio communication by a Popov system, at the distance of 45 miles between the distressed battleship "General-Admiral Apraxin" and the coast was used successfully." (This action was in the Baltic Sea).

One should add that already by March 1897, the Popov radio station in Cronstadt was established and at the same time the cruiser "Africa" was equipped with "Popov apparatus." In 1900, Popov's radio system was used for the first time for humanitarian purposes: A wireless from St. Petersburg was dispatched to the Commander of the icebreaker "Ermak" in the Baltic, instructing him to save a group of fishermen stranded on floating ice in the Gulf of Finland.

By 1901,the Russian Army was equipped with Popov's radio system and in 1903 the Ministry of Postal-Telegraph opened the first commercial radio communications. (See magazine "Niva" 1903, page 598, St. Petersburg, and the magazine "Znanie I Isskustvo" (Knowledge and Art) 1903, pages 342 and 355, St. Petersburg). The same magazine stated that in 1902 several ships of the Russian Fleet in the Baltic, the Black Sea and the Pacific Ocean (Vladivostok and Port Arthur) were already equipped with the "Popov-Marconi Radio system." Magazine "Niva" of 1902, page 598, states that "Popov's apparatus was shown to King Victor Emmanuel and Marconi on board of the Russian battleship "Retvizan" built in U. S. A. by Cramp. The Czar also viewed the Marconi apparatus on the cruiser "Carlo-Alberto." A large wireless factory was established in Cronstadt by 1902. (It is known, of course. that the Russian Navy has

been equipped in the Russian-Japanese war with the Slaby-Arco (German) radio system - supposed to be more powerful than Marconi - followed later exclusively by the Marconi apparatus).

One could conclude that while Popov's discovery gave a tremendous impetus with a certain practical application of radio communication to Russia, all honors went to a more business mind, that of Marconi. (Popov repeatedly refused to take out patents, believing that his invention should benefit the entire world. It is useless to speculate whether the Russians would have used Popov's improved system, had he not died in 1906).

It is only too clear why the Soviet Government is apt, these days, to lay claims to the Russian inventors, particularly if these pioneers in the field of Science are safely in their graves. Moreover, the Soviets do not explain to us how it is possible for all these ''inventions'' — airplane, electric bulb, radio, steel girders to be developed under the ''ruthless, backward and degenerate'' Czarist Regime.

Yet, the Soviet never gave credit to the invention in 1913 of the four motor plane by Igor Sikorsky, or to professor Vladimir K. Zworykin. the receipent of ''1951 Medal of Honor of the Institute of Radio Engineers,'' for his invention of the Iconoscope, first electronic eye of the television camera,'' (see the New York Times, March 22, 1951); or to the late professor Wladimir Ipatiev for his invention of high-octane gasoline — only because they, though Russian born, preferred to leave the Soviet ''Paradice'' and become Americans.....

КЪ ИСТОРІИ ИЗОБРѢТЕНІЯ БЕЗПРОВОЛОЧНАГО ТЕЛЕГРАФА

Приказъ по Морскому Вѣдомству Генералъ-Адмирала № 278, 31 января 1900 г.

Государь Императоръ, во вниманіе къ особо полезнымъ трудамъ штатнаго преподавателя Морского Инженернаго Училища Императора Николая I, надворнаго совѣтника ПОПОВА по примѣненію изобрѣтеннаго имъ телеграфа безъ проводовъ и по установленію сообщенія, при помощи этого способа, между островомъ Гогландъ и городомъ Коткой,* объявляетъ ему ВЫСОЧАЙШУЮ БЛАГОДАРНОСТЬ, а исправ. долж. помощника главнаго инспектора миннаго дѣла, капитану 2 ранга ЗАЛѢВСКОМУ, старшему офицеру эскадреннаго броненосца «Побѣда», лейтенанту РЕММЕРТУ и лаборанту миннаго офицерскаго класса, кандидату университета РЫБКИНУ, участвовавшимъ въ устройствѣ сообщенія, что дало возможность устранить многочисленныя неудобства при передачи необходимыхъ свѣдѣній о работѣ у броненосца береговой обороны «Генералъ-Адміралъ Апраксинъ», изъявляетъ МОНАРШЕЕ БЛАГОВОЛЕНІЕ.

---

* Разстояніе между ними равно 25 морскимъ милямъ, или 46.3 километровъ.

Контръ-адмиралъ Ю. К. Старкъ.

ОТЧЕТЪ О ДѢЯТЕЛЬНОСТИ СИБИРСКОЙ ФЛОТИЛІИ

(Продолженіе)

Подготовка къ весенней кампаніи

Предстояла весна, надо было готовиться къ лѣтней кампаніи, конечной цѣлью которой должно было быть укрѣпленіе нашего внутренняго положенія. Единственный планъ, который представлялся мнѣ разумнымъ, заключался въ слѣдующемъ: надо было использовать то обстоятельство, что, благодаря нашему присутствію во Владивостокѣ, наличію японской оккупаціи устьевъ Амура и отсутствію у красныхъ морской силы, русское побережье Тихаго океана, включая Камчатку и берегъ Охотскаго моря были недоступны для большихъ массъ красныхъ. Это побережье, вслѣдствіи сильно развитыхъ японцами рыболовства, краболовства и лѣсопромышленности, могло, при наличіи твердо организованнаго правительственнаго надзора, дать нѣсколько милліоновъ годового дохода Правительству, что, съ одной стороны, укрѣпило бы наше финансовое, а вмѣстѣ съ нимъ и внутреннее положеніе, и дало бы средства на продолженіе борьбы; съ другой стороны, успѣхъ Правительства въ организаціи Власти на побережьи поставилъ бы японцевъ лицомъ къ лицу съ Русской Національной Властью въ Приморьѣ, дѣйствительно создавшей миръ и порядокъ въ области. Нѣтъ сомнѣнія, что всякой иностранной промышленности было удобнѣе имѣть дѣло съ Правительствомъ, признающимъ права собственности, чѣмъ съ коммунистами и партизанами. Поэтому, если бы, дѣйствительно, насталъ такой моментъ, когда японскіе промышленники могли бы спокойно работать на побережьи подъ охраной Владивостокскаго Правительства, вполнѣ естественно было бы ожидать возникновенія въ Японіи сильнаго теченія за сохраненіе независимости Приморья отъ большевиковъ. Это открыло бы намъ большіе горизонты въ вопросахъ иностранной политики и въ вопросѣ полученія внѣшняго займа. Планъ былъ простъ и, казалось, выгоднымъ начать осуществленіе его какъ разъ въ моментъ разрыва переговоровъ между японцами и красными.

Флотилія, въ томъ состояніи готовности, до котораго она была доведена въ этотъ моментъ, вопреки всѣмъ препятствіямъ минувшаго года, могла дать все, что требовалось для исполненія этого плана. Армія, въ количествѣ 6-7 тысячъ бойцовъ, могла выдѣлить изъ себя остовъ надеж-

ной правительственной милиціи на мѣстахъ. Остальное было вопросомъ организаціи. Даже скудность казны не служила особымъ препятствіемъ, т. к. главный расходъ состоялъ въ пищевомъ довольствіи солдатъ, что не слишкомъ зависѣло отъ мѣста расквартированія войскъ. Расходъ же на плаваніе кораблей Правительство все равно должно было нести, ибо если можно было не рѣшаться на систематическое выполненіе плана, то нельзя было отказаться отъ сохраненія видимости власти, что, само собой, требовало посылки кораблей, при такихъ условіяхъ совершенно безплодной и бездоходной.

Обстановка на побережьи, если разобрать ее пораіонно, была слѣдующая:

1. Сѣверный раіонъ— Камчатка и берегъ Охотскаго моря

Положеніе на Камчаткѣ, гдѣ находился уполномоченный Правительства, Биричъ, и начальникъ штаба Бочкарева, генералъ Поляковъ съ частью отряда Бочкарева и съ кораблями «Свирь» и «Взрыватель» было неустойчивымъ. Всю зиму 1921-2 года шла борьба съ красными, причемъ иногда Петропавловскъ вынужденъ былъ выдерживать настоящую осаду. Силы красныхъ были невелики, но внутренняя борьба въ гарнизонѣ между послѣдователями Бирича и Полякова, неподчиненіе послѣдняго Биричу, создавали условія неблагопріятныя для борьбы. Вернувшійся ранней весной съ Камчатки транспортъ «Охотскъ», бывшій въ чартерѣ у промышленника Березовскаго, привезъ извѣстія, дополнявшія крайне печальную картину внутренняго безпорядка и разрозненности царившихъ на Камчаткѣ. Фактически, власть Правительства распространялась только на Петропавловскъ, а на всемъ остальномъ побережьи хозяйничалъ случайный элементъ изъ мѣстныхъ жителей и японскіе хищники, пользовавшіеся покровительствомъ своихъ военныхъ судовъ.

Въ раіонѣ Охотскаго побережья, къ сѣверо-западу отъ Камчатки, дѣйствовалъ Бочкаревъ съ другой частью своего отряда. Его дѣятельность сводилась къ прямому грабежу, причемъ онъ то присылалъ Правительству донесенія о своихъ побѣдахъ и успѣхахъ, то бунтовалъ противъ Бирича. Помимо Бочкарева до Владивостока достигали вѣсти о его грабежахъ и бунтахъ частей отряда противъ него самого. Вслѣдствіе отрывочности свѣдѣній, отсутствія надежной связи даже съ Петропавловскомъ, нельзя было представить себѣ картину того, что тамъ происходило. Было ясно только одно, что Бочкаревъ дѣйствовалъ за свой собственный страхъ и рискъ ни съ кѣмъ не считаясь.

Южнѣе, побережье Охотскаго моря, въ раіонѣ Охотска и Аяна находилось въ рукахъ якуто-русскихъ бѣлоповстанцевъ, самостоятельно свергнувшихъ совѣтскую власть лѣтомъ 1921 г. Отъ нихъ прибыла во Владивостокъ, весной 1922 г., делегація, объявившая о признаніи областью власти Вр. Пріамурскаго Правительства, и просившая помощи въ борьбѣ. По ихъ словамъ, область нуждалась, главнымъ образомъ, въ

оружіи, въ продовольствіи, въ матеріалахъ для одежды, а также въ руководителяхъ — офицерахъ. Взамѣнъ обѣщали организовать доставку къ побережью пушнины, въ огромномъ количествѣ скопившейся въ области за нѣсколько лѣтъ. Рисовалась возможность развитія бѣлаго движенія въ областяхъ Сибири къ сѣверу отъ Великаго Сибирскаго Пути. Подготовка серьезной угрозы большевикамъ въ направленіи на Иркутскъ могла имѣть большое значеніе въ будущемъ, в случаѣ возобновленія борьбы за сверженіе большевиковъ въ Дальневосточной Республикѣ.

Общая обстановка въ этомъ раіонѣ, по моимъ соображеніямъ, требовала отъ флотиліи подготовки 4 кораблей, которые могли бы доставить правительственные отряды: 1) — на Камчатку, гдѣ проэктировалась смѣна администраціи, 2) — въ Наяханъ, гдѣ надо было привести къ повиновенію Бочкарева и, 3) — въ Аяно-Охотскій раіонъ, гдѣ надо было вступить въ связь съ бѣлоповставцами Якутской области и оказать имъ поддержку. Кромѣ этихъ кораблей, предполагалось зафрахтовать одинъ пароходъ Добровольнанго флота, «Сишанъ» или «Томскъ», для доставки въ этотъ раіонъ угля и продовольствія.

По выполненіи операціи, корабли должны были остаться въ плаваніи на все лѣто въ томъ же раіонѣ, дабы, базируясь на свои угольныя базы въ Петропавловскѣ и на Охотскомъ побережьи, осуществлять надзоръ за звѣриными и рыбными промыслами на побережьи Берингова и Охотскаго морей, отъ устья рѣки Анадырь до Чемукана (устье рѣки Удда), и на близлежащихъ островахъ, и поддерживать связь съ Владивостокомъ.

Корабли «Свирь» и «Взрыватель», стоявшіе въ Петропавловскѣ съ сильно растрепанными механизмами, подлежали, по моему мнѣнію, немедленному возвращенію во Владивостокъ для ремонта и должны были быть вновь включены въ составъ флотиліи.

2. Раіонъ побережья Татарскаго пролива и Японскаго моря къ сѣверу отъ маяка Поворотнаго

Въ части этого побережья, въ раіонѣ Ольга-Тетюхэ, прочно угнѣздились красные еще со временъ правительства адмирала Колчака. Операція выполненная нами въ ноябрѣ 1921 г., закончившаяся ликвидаціей флота красныхъ, нанесла имъ сильный ударъ. Послѣдовавшій затѣмъ нашъ удачный походъ на Хабаровскъ парализовалъ, на нѣсколько мѣсяцевъ, энергію красныхъ по распространенію своей власти за предѣлы раіона Ольга-Тетюхэ. Поэтому, во время зимнихъ рейсовъ Добровольнаго флота, охраняемаго нашими караулами, единственными опасными для захода пунктами этого раіона считались Ольга и Тетюхэ

Къ сѣверу, до Императорской гавани, и дальше, до бухты Датта, населеніе раіона считалось пестрымъ по своему политическому образу мыслей. Въ то время какъ селенія старыхъ переселенцевъ, сплошь старовѣровъ, были антикоммунистическаго настроенія, вкрапленныя между

ними селенія новоселовъ были поставщиками личнаго состава въ партизанскія шайки.

Однако, пользуясь бездѣятельностью Правительства, красные, организовавшіе въ Ольгѣ Областное Управленіе, и получившіе поддержку отъ большевиковъ въ видѣ небольшихъ отрядовъ, проникшихъ черезъ почти непроходимыя ущелья хребта Сихотэ-Аллинъ, и нѣсколькихъ новыхъ руководителей, постепенно начали распространяться къ сѣверу.

Къ веснѣ, во всѣхъ мало-мальски значительныхъ селеніяхъ побережья появилась милиція Д. В. Р., частью оставшаяся еще отъ временъ до переворота 26 мая, а частью вновь организованная. Центръ — въ Ольгѣ, средства сообщенія — частично Добровольный флотъ, благодаря попустительству администраціи, частично — пароходство графа Кейзерлинга, не имѣвшее вовсе военной охраны, а, главнымъ образомъ, японскіе пароходы и моторные кунгасы. Катеръ «Рында» — фирмы Бриннеръ и Ко., захваченный красными, находился также въ ихъ распоряженіи, причемъ плавалъ подъ японскимъ флагомъ. Въ результатѣ, въ одинъ изъ весеннихъ рейсовъ Добровольнаго флота, въ Императорской гавани произошло столкновеніе между охраной парохода и красной милиціей, открывшей огонь по шлюпкамъ съ берега. Былъ убитъ одинъ изъ помощниковъ капитана парохода. Это побудило Добровольный флотъ просить о прекращеніи военной охраны пароходовъ. Въ отвѣтъ я потребовалъ прекращеніе рейсовъ пароходовъ вовсе, но не былъ поддержанъ въ этомъ отношеніи Правительствомъ, которое все еще считалось съ самостоятельностью Добровольнаго флота, и не рѣшалось оставить населеніе безъ средствъ сообщенія. Рейсы продолжались уже безъ охраны, что окончательно развязало руки краснымъ въ смыслѣ использованія пароходовъ, какъ средствъ сообщенія. Захватъ пароходовъ они уже не практиковали, такъ какъ при наличіи нашей флотиліи они считали это безсмысленнымъ, и такъ какъ не хотѣли ссориться съ Добровольнымъ флотомъ. Такой порядокъ вполнѣ устраивалъ Добровольный флотъ въ смыслѣ соблюденія его коммерческихъ интересовъ.

Подобная обстановка на побережьи создала крайне курьезное положеніе.

Владивостокское Правительство, такъ или иначе, содержавшее, въ ущербъ интересамъ активной борьбы, многочисленныя областныя учрежденія, было безвластно въ области, коей эти учрежденія вѣдали. Владивостокскіе: Таможня, Лѣсное Вѣдомство, Управленіе Рыбныхъ и Звѣриныхъ промысловъ и пр., имѣли на побережьи чиновниковъ, номинально признававшихъ эти центральныя учрежденія, посылавшихъ имъ донесенія и отчеты и снабжавшихъ ихъ всѣмъ необходимымъ для отправленія службы въ законномъ порядкѣ, какъ то, бланками, печатями, удостовѣреніями и проч., но не имѣли отъ этихъ чиновниковъ ни копѣйки доходовъ. Ни копѣйки не имѣло и Правительство, содержавшее эти учрежде-

нія, вѣрнѣе, допускавшее расходъ части поступленій этихъ учрежденій по Владивостоку на содержаніе своихъ штатовъ.

Красные изъ Ольги, посредствомъ милиціи, терроризовавшей чиновниковъ, собирали многія сотни тысячъ законныхъ правительственныхъ налоговъ съ населенія и японцевъ черезъ законныхъ агентовъ Владивостокскаго Правительства.

Японцы-хищники, работавшіе незаконно, безъ вѣдома Владивостока, считались только съ мѣстной властью и платили налоги только краснымъ на мѣстѣ. Японцы-концессіонеры, старавшіеся поступать по закону, заключали контракты во Владивостокѣ, и вынуждены были платить налоги Правительству и откупаться отъ красныхъ на мѣстѣ. Въ результатѣ, они задерживали очередные платежи, мотивируя эту задержку неспособностью Правительства охранять ихъ интересы на мѣстахъ.

Получаемыя красными деньги шли на уплату жалованія милиціи, чиновникамъ, назначеннымъ Владивостокомъ, на покупку продовольствія, черезъ третьихъ лицъ, на базарѣ во Владивостокѣ, и на доставку этихъ предметовъ на пароходахъ Добровольнаго флота. Излишки, а они были велики, шли на формированіе новыхъ отрядовъ «партизанъ», на созданіе отрядовъ корейцевъ, словомъ, на укрѣпленіе средствъ борьбы съ бѣлымъ Правительствомъ.

Вся эта картина не была ясна мнѣ тогда: она раскрылась передо мною только послѣ экспедиціи выполненной флотиліей позже. Но Правительству она должна была быть извѣстной, а еще лучше она была извѣстна Начальникамъ Управленій во Владивостокѣ. Къ сожалѣнію, буквально всѣ они были узкими спеціалистами своего дѣла, пережившими всѣ правительства во Владивостокѣ, и вовсе не находили нужнымъ считаться съ интересами бѣлаго движенія. Ихъ учрежденія, доходныя по существу, давали средства, достаточныя для уплаты жалованія имъ, даже при использованіи того клочка территоріи, на который распространялась дѣйствительно власть Правительства.

Не слѣдуетъ думать, что у Правительства, безусловно, не было воли и энергіи прекратить все это безобразіе. Условія, въ которыхъ протекала дѣятельность Правительства во Владивостокѣ въ этотъ періодъ, постоянная политическая борьба въ средѣ не соціалистовъ, опасеніе заговоровъ и переворотовъ, небезосновательныя, какъ показало дальнѣйшее, парализовали, казалось, рѣшительность Правительства и лишали его воможности проводить крутыя мѣры, всегда влекущія за собой, прежде созданія новаго аппарата управленія, временное разрушеніе стараго, неизбѣжно колеблющее внутреннее положеніе власти.

Для меня яснымъ было одно — это отсутствіе Власти на побережьи, поэтому, одной изъ задачъ, разрѣшить которую предстояло флотиліи съ наступленіемъ весны, я считалъ содѣйствіе правительственной экспедиціи по занятію этого раіона и по искорененію красныхъ въ немъ. Для этого я предполагалъ назначить четыре корабля флотиліи, причемъ, для

успѣха дѣла, считалъ необходимымъ прочно занять Ольгу и Императорскую гавань и имѣть въ этихъ двухъ пунктахъ угольные склады.

3. Раіонъ залива Петра Великаго

Этотъ раіонъ дѣлился на двѣ части: часть къ западу отъ Владивостока до Корейской границы и къ югу, отъ линіи Уссурійской дороги, надежно охраняемой нами и японцами, была защищена этой линіей охраны отъ просачиванія партизанъ и почиталась почти благополучной.

Часть къ западу отъ Владивостока — раіонъ побережья Уссурійскаго залива и дальше, подвергалась, наоборотъ, постояннымъ налетамъ мелкихъ шаекъ партизанъ и просто разбойниковъ, выходившихъ на побережье съ цѣлью грабежа. Постояннымъ мѣстопребываніемъ этихъ шаекъ были — раіонъ примыкавшій къ Сучанскимъ копямъ и раіонъ с. Шкотова, въ сѣверномъ углу Уссурійскаго залива. Такъ какъ борьба съ партизанщиной въ этомъ раіонѣ, непосредственно примыкавшемъ къ мѣстамъ расквартированія нашихъ войскъ, лежала, главнымъ образомъ, на гарнизонѣ Владивостока, я полагалъ, что отъ флотиліи потребуются только мелкія операціи вспомогательнаго характера и борьба съ шайками партизанъ, появлявшихся иногда на водѣ. Остающіеся, за выдѣленіемъ, 8 кораблей, мелкія суда — миноносцы и катера, и рота морских стрѣлковъ, были бы вполнѣ достаточными силами для подобной работы.

Предусматривая возможность такого плана дѣйствія, я раздѣлилъ флотилію на дивизіоны, примѣнителѣно къ раіонамъ операціи. Въ 1-ый раіонъ предназначался 1-ый Дивизіонъ: «Батарея», «Магнитъ», «Охотскъ» и «Лейт. Дыдымовъ», во 2-й раіонъ 2-ой Дивизіонъ: «Патроклъ», «Діомидъ», «Улисъ» и «Илья Муромецъ». Въ раіонъ, ближайшій къ Владивостоку — дивизіонъ посыльныхъ судовъ: «Аяксъ», «Парисъ» (бывш. Патроклъ), «Фарватеръ» и «Стражъ», миноносцы «Твердый» и «Инж. мех. Анастасовъ» и катера плавучихъ средствъ Порта.

Кромѣ этихъ задачъ на флотиліи лежала охрана Владивостокскаго рейда, для которой предназначались недвигающіеся миноносцы «Бойкій» и «Бравый», въ качествѣ внѣшней и внутренней брандвахты.

Вполнѣ исправные ледоколы порта: «Байкалъ» и «Надежный», я сохранилъ въ резервѣ въ качествѣ траспортовъ, годныхъ для перевозки войскъ, главнымъ образомъ, лошадей.

Почти всѣ корабли флотиліи нуждались въ ремонтѣ. «Батарея» и «Улиссъ» находились въ капитальномъ ремонтѣ у Дальневосточнаго завода, прочіе корабли выполняли частичный ремонтъ. Въ наибольшей степени готовности находились: «Діомидъ», «Илья Муромецъ», «Патроклъ» и оба ледокола, затѣмъ «Магнитъ», «Стражъ» и «Лейт. Дыдымовъ». «Парисъ» нуждался въ замѣнѣ винта, сломаннаго зимою во льду.

Хуже всего обстояло дѣло съ миноносцами, на сравнительно дорогой ремонтъ которыхъ рѣшительно не было средствъ. Что можно было, дѣлалось своими средствами, но часть работъ по котламъ и машинамъ

подлежала исполненію заводомъ. Поэтому, готовность миноносцевъ задерживалась.

Дабы внести нѣкоторую планомѣрность въ работу по подготовкѣ флотиліи, я нуждался въ гарантированномъ Правительствомъ отпускѣ средствъ по какому нибудь плану и въ назначенные сроки. До тѣхъ поръ всѣ отпуски денегъ носили характеръ чисто случайный, въ зависимости отъ исполненія тѣхъ или иныхъ моихъ отдѣльныхъ ходатайствъ. Правительству, подсчитавъ силы и средства, совмѣстно съ сухопутнымъ и морскимъ командованіемъ, слѣдовало бы выработать общій планъ весенней кампаніи, назначить сроки выполненія отдѣльныхъ операцій, ассигновать средства и распредѣлить ихъ между вѣдомствами.

Неоднократно мои доклады ген. Вержбицкому и Правительству были подкрѣплены моими письменными докладами. Въ этихъ докладахъ я приводилъ и подсчетъ необходимыхъ минимальныхъ расходовъ, для подготовки кораблей, и выполненія операцій связанныхъ съ осуществленіемъ плана. Правительство соглашалось съ моими доводами, но денегъ въ томъ размѣрѣ, какъ это было необходимо, флотилія не получала.

Достаточно указать, что по подсчету, сдѣланному Капитаномъ надъ Портомъ, и доложенному мною Правительству, флотилія получила за 1922 годъ, съ Января по Апрѣль мѣсяцъ, лишь 8,93 отъ испрошенныхъ на содержаніе ея суммъ.

Никакихъ директивъ для выполненія плана во всемъ объемѣ не получалось и никакой планомѣрности въ дальнѣйшемъ отпускѣ средствъ добиться было нельзя.

Финансовое положеніе флотиліи продолжало оставаться настолько острымъ, что каждая копѣйка была на счету. Чтобы нѣсколько облегчить остроту положенія, въ серединѣ Марта п/с. «Діомидъ» былъ сданъ въ чартеръ на одинъ мѣсяцъ частному лицу. Въ этотъ же періодъ мною былъ проданъ за 6000 іенъ катеръ «Амуръ», и были объявлены торги на продажу неспособнаго двигаться транспорта «Камчадалъ». Однако, продажа послѣдняго задерживалась изъ за отсутствія серьезныхъ покупателей.

Первыя весеннія операціи

Дѣятельность партизанскихъ шаекъ въ непосредственной близости Владивостока требовала принятія нами контръ-мѣръ. 25-го Марта ими была захвачена въ Уссурійскомъ заливѣ моторно-парусная шхуна «Михаилъ». Захвативъ шхуну, красные подошли ночью къ острову Аскольдъ, сняли нашъ постъ Службы Связи, увезли радіо-станцію и затѣмъ высадились въ бухтѣ Абренъ, предоставивъ шхунѣ возвращаться во Владивостокъ. Попутно выяснилось, что многія рыбалки на побережьи Уссурійскаго залива платятъ дань краснымъ за разрѣшеніе ловли. Получивъ донесеніе о случившемся, я выслалъ п/с. «Фарватеръ» и одинъ катеръ, съ дессантной ротой, для поисковъ шайки партизанъ. 28-го марта экспе-

диція вышла по назначенію. Къ сожалѣнію, благодаря оплошности командного состава, рота, высадившись, и не обнаруживъ партизанъ, при обратной посадкѣ попала подъ обстрѣлъ, причемъ у насъ оказались потери: 3 убитыхъ и 4 раненыхъ.

Дальнѣйшія экспедиціи въ этотъ раіонъ пришлось прекратить изъ за полнаго отсутствія угля, о чемъ я донесъ Правительству и ходатайствовалъ объ отпускѣ 1.000 тоннъ угля. Уголь былъ обѣщанъ, но не полученъ.

29-го Марта мною былъ полученъ оперативный приказъ Командующаго войсками за № 0525, коимъ опредѣлялся на ближайшее время планъ борьбы нашихъ вооруженныхъ силъ съ партизанами. Этотъ планъ, при той же поставленной цѣли — создать прочный тылъ для будущихъ активныхъ дѣйствій на сѣверѣ — отличался отъ плана предположеннаго Штабомъ Флотиліи. Согласно приказу Командующаго войсками, сильные гарнизоны сосредотачивались въ городахъ и для экспедицій, на побережьи, не оставалось почти ничего.

Единственной намѣчавшейся морской экспедиціей было занятіе гарнизономъ Ольги. Эта экспедиція, важная по существу, теряла всякую цѣнность, будучи проэктирована внѣ всякой связи съ дальнѣйшей работой по очисткѣ побережья отъ красныхъ. Такой планъ имѣлъ только одно объясненіе. Арімя, усталая морально и физически, послѣ неудачнаго Хабаровскаго похода, была охвачена пассивно-инертнымъ настроеніемъ. Для далекихъ, хотя и не опасныхъ экспедицій, охотниковъ не было. Кромѣ того, уже, очевидно, зрѣвшій въ это время планъ послѣдовавшаго въ Іюнѣ антиправительственнаго выступленія, требовалъ присутствія опредѣленныхъ частей войскъ въ главныхъ центрахъ страны съ цѣлями, увы, не имѣвшими ничего общаго съ борьбой противъ большевиковъ.

Во исполненіе оперативнаго приказа отъ 29 Марта, мною того же числа былъ сформированъ отрядъ судовъ, в составѣ: к/л. «Надежный», лед. «Байкалъ» и п/с. «Фарватеръ». Начальнику отряда, кап. I р. Ильину, была поставлена задача подготовить отрядъ къ посадкѣ дессанта 1-го Апрѣля и къ немедленному, послѣ этого, выходу въ море. Деньги на уголь, матерьялы и провизію были отпущены. Предположенный дессантъ состоялъ изъ Уфимскаго полка, 350 чел. (на самомъ дѣлѣ отправилось около 200), Иманской сотни, 50 чел. и полуроты морскихъ стрѣлковъ, 100 чел. Начальникомъ экспедиціи былъ назначенъ ген.-маіоръ Ястребцовъ, подчиненный непосредственно Командующему Войсками.

Уходъ экспедиціи задержался вслѣдствіи неготовности Уфимцевъ настроеніе которыхъ, по докладу кап. 1 р. Ильина, оставляло желать многаго. 7 Апрѣля отрядъ благополучно вышелъ по назначенію. 8-го Апрѣля Ольга была занята безъ боя отрядомъ, высадившимся въ бухтѣ Св. Владиміра. Столкновеніе имѣла только полурота Морскихъ Стрѣлковъ, высаживавшаяся въ самой бухтѣ Св. Ольги и имѣвшей задачей отрѣзать отступленіе красныхъ.

Въ этой стычкѣ, происшедшей при высадкѣ дессанта, одна изъ нашихъ шлюпокъ была затоплена огнемъ красныхъ, при чемъ мы потеряли одного офицера и четырехъ стрѣлковъ убитыми, и ранеными — трехъ офицеровъ и двухъ стрѣлковъ.

Настроеніе населенія въ поселкѣ и близь лежащемъ раіонѣ оказалось не въ нашу пользу. Большая часть мужского населенія убѣжала въ сопки и вернулась только тогда, когда убѣдилась въ исключительно гуманномъ отношеніи къ нему со стороны Начальника отряда, генерала Ястребцова.

Съ первыхъ дней по занятіи Ольги, кап. 1 р. Ильинъ доносилъ мнѣ, что отрядъ слишкомъ малочисленъ, что численность частей арміи, показываемая въ оффиціальныхъ отчетахъ, далеко не соотвѣтствовала ихъ дѣйствительному составу, что, поэтому, отрядъ едва могъ держаться въ Ольгѣ, но не имѣлъ силъ, чтобы распространить свое вліяніе къ сѣверу. Корабли также оказались въ значительной степени привязанными къ Ольгѣ, т. к. ген. Ястребцовъ, опасаясь неустойки, не всегда находилъ возможнымъ отпускать ихъ отъ себя.

Я неоднократно докладывалъ Командующему Войсками о необходимости усиленія отряда, но Армія не находила для этого войскъ. Однажды, въ концѣ Апрѣля, генералъ Молчановъ назначилъ къ отправкѣ 200 чел. подкрѣпленія, но эта отправка была отмѣнена въ послѣдній моментъ по неизвѣстной мнѣ причинѣ. Предполагавшаяся къ отправкѣ въ этотъ раіонъ милиція не могла быть сформирована изъ за отсутствія средствъ. Въ такомъ положеніи дѣло оставалось до самой эвакуаціи нами Ольги въ концѣ Іюня мѣсяца.

Отсутствіе запасовъ угля, воды и провизіи въ Ольгѣ заставляли подвозить все изъ Владивостока, что требовало постояннаго движенія кораблей между Владивостокомъ и бухтой Св. Ольги, вызывало большіе расходы и отрывало корабли флотиліи отъ исполненія другихъ задачъ.

За Апрѣль мѣсяцъ, кораблями флотиліи были совершены слѣдующіе походы:

6-8 Апрѣля переходъ отряда кап. 1 р. Ильина изъ Владивостока въ Ольгу.

8-9 Возвращеніе лед. «Надежный» изъ Ольги во Владивостокъ.

14 Апрѣля, выходъ к/л. «Патроклъ» изъ Ольги въ бухту Св. Евстафія на развѣдку.

18 Апрѣля, походъ лед. «Надежный» изъ Владивостока въ Ольгу съ продовольствіемъ для отряда.

21 Апрѣля, возвращеніе лед. «Байкалъ» изъ Ольги во Владивостокъ.

21-22 Апрѣля, походъ к/л. «Патроклъ» изъ Ольги въ крейсерство до бухты Опричникъ и обратно.

25 Апрѣля, выходъ миноносцевъ «Твердый» и «Анастасовъ» на пробу машинъ до бухты Сидими. Проба обнаружила необходимость дальнѣйшаго ремонта.

27-28-29 Апрѣля, походъ лед. «Байкалъ» въ Ольгу и обратно.

28 Апрѣля, походъ к/л. «Илья Муромецъ» на развѣдку изъ бухты Св. Ольги въ бухту Св. Владиміра и обратно.

Кромѣ этого, было нѣсколько выходовъ кораблей въ ближайшіе раіоны, о которыхъ не сохранилось свѣдѣній.

27 Апрѣля постъ Службы Связи на о-вѣ Аскольдъ былъ возстановленъ, причемъ на островѣ былъ высаженъ постоянный гарнизонъ въ 25 чел. отъ роты Морскихъ Стрѣлковъ.

Застой въ Государственной работѣ

Ввиду приближавшейся готовности кораблей 1-го дивизіона, и наступленія теплаго времени года, подходило время отправки экспедиціи въ Охотско-Камчатскій край. Несмотря на согласіе Правительства на отправку этой экспедиціи, а также на развитіе Ольгинской операціи, почти ничего не дѣлалось для проведенія плана въ жизнь. Поэтому, въ концѣ Апрѣля, я подалъ Предсѣдателю Правительства два доклада, излагая еще разъ свою точку зрѣнія на предстоящія задачи флотиліи.

Отъ редакціи: въ первомъ изъ докладовъ Адмиралъ Старкъ указываетъ на возможность обостренія отношеній между Японіей и В. Д. Р. и рекомендуетъ увеличеніе гарнизона г. Ольги, высадку гарнизоновъ въ наиболѣе важныхъ пунктахъ, созданіе временныхъ угольныхъ базъ въ Ольгѣ и Императорской гавани и постоянное пребываніе станціонеровъ въ нѣкоторыхъ пунктахъ побережья.

Во второмъ рапортѣ, адмиралъ Старкъ, докладывая о готовности предназначенныхъ къ плаванію судовъ, проситъ отъ Правительства директивъ для выработки инструкцій кораблямъ, для согласованія поставленныхъ кораблямъ задачъ съ задачами другихъ заинтересованныхъ вѣдомствъ. Далѣе слѣдуетъ схема экспедиціи, какъ она представлялась адмиралу Старку съ чисто морской точки зрѣнія. Въ заключеніе, адмиралъ указываетъ, что выполненіе намѣченной Правительствомъ программы сѣверной экспедиціи, имѣющей задачи: 1) — утвержденіе въ краѣ государственной власти и созданіе правильно функціонирующаго административнаго аппарата, 2) — охрана промысловъ, 3) — снабженіе края продуктами и предметами рыбной и звѣриной охоты, 4) — содѣйствіе бѣлоповстанческому движенію и друг., и что должно быть поручено одному лицу, которому, въ навигаціонное время, должны быть подчинены корабли и сухопутныя силы.

Доклады были приняты, одобрены и отложены по причинамъ мнѣ неизвѣстнымъ.

1-го мая Сучанскія копи прекратили доставку угля вслѣдствіи задолженности флотиліи. Я обратился къ Предсѣдателю Правительства съ докладомъ объ отпускѣ средствъ на покупку угля.

Этотъ докладъ отлично характеризуетъ все положеніе вопроса о снабженіи флотиліи углемъ. Вотъ его содержаніе:

Секретно.

ПРЕДСѢДАТЕЛЮ ВРЕМЕННАГО ПРІАМУРСКАГО ПРАВИТЕЛЬСТВА

ДОКЛАДЪ

1 мая
№ 257-ОП.

Докладываю Вашему Высокопревосходительству состояніе запасовъ угля на флотиліи.

Передъ Пасхой запроданъ транспортъ «Камчадалъ» и, расчитывая получить около 40.000 рублей, я заказалъ Сучанскимъ копямъ 2.000 тоннъ угля для Камчатской экспедиціи. Изъ этого количества копями поставлено 500 тоннъ, дальнѣйшая поставка прекратилась изъ за неплатежа денегъ.

Въ то же время начались требованія со стороны Военнаго Командованія о доставкѣ въ Ольгу и въ бухту Америка пополненій, продовольствія и проч., Требованія оперативныя и всегда экстренныя.

На выполненіе этихъ нарядовъ и на работу катеровъ въ порту израсходовано около 200 тоннъ и расходъ продолжается.

Въ настоящее время имѣю остатокъ около 300 тоннъ и слѣдующія задачи:

1. Поддержать запасъ угля на судахъ экспедиціоннаго отряда въ Ольгѣ и выполнить перевозки продовольствія и дессанта по заданіямъ арміи на этихъ судахъ. На это потребуется въ мѣсяцъ около 1.500 тоннъ.

2. Выполнить перевозки въ бухту Америка продовольствія и обслужить мелкими судами охрану залива Петръ Великій и портовыя и лоцмейстерскія работы въ раіонѣ близкомъ Владивостоку. Эти работы будутъ выполнены попутными судами при условіи отпуска 1.500 тоннъ въ мѣсяцъ, или 50 тоннъ въ день на задачи указанныя въ П. I, ибо работать будутъ одни и тѣ же корабли.

3. Снабдить Камчатскую экспедицію. На сіе, какъ уже было доложено, требуется 2.000 тоннъ угля, углемъ или деньгами, такъ какъ въ случаѣ отпуска деньгами, уголь можетъ быть купленъ въ Японіи. Ввиду того, что транспортъ «Камчадалъ» пока еще не продался, и что, вообще, такой вопросъ, какъ снабженіе углемъ флотиліи, не можетъ жиздиться на такомъ шаткомъ основаніи, какъ гадательная продажа транспорта, ходатайствую объ отпускѣ денегъ въ размѣрѣ:

1) — 7.500 руб. немедленно, для уплаты 500 тоннъ, поставленныхъ уже Сучанскими копями.

2) — 22.500 руб. для заказа еще 1.500 тоннъ для Камчатской экспедиціи въ періодъ между 1-мъ и 5-мъ Мая.

3) 7.500 руб. для заказа 500 тоннъ угля на первую треть Мая,

для судовъ базирующихся на Ольгу и Владивостокъ. Эти деньги необходимо уплатить Сучанскимъ копямъ между 10-мъ и 15-мъ мая, такъ какъ иначе на вторую треть Мая угля не будетъ.

Необходимо добавить, что отпускъ угля для Камчатской экспедиціи имѣетъ смыслъ только въ томъ случаѣ, если другіе расходы, связанные съ этой экспедиціей, и указанные въ моихъ прежнихъ докладахъ, будутъ оплачены.

Этотъ докладъ постигла та же судьба, что и предыдущіе.

Финансовое положеніе Правительства, повидимому, все ухудшалось. Приходилось откладывать операціи и терять время къ явной выгодѣ красныхъ.

Къ этому времени относится новый конфликтъ Правительства съ Сухопутнымъ Командованіемъ. Тотъ же недостатокъ средствъ, который испытывала флотилія, переживала, очевидно, и Армія. Кромѣ того, армія страдала упадкомъ духа и утратила свою гибкость. Были случаи, когда оперативныя приказанія отмѣнялись безъ видимой причины — очевидно начальники не разсчитывали, что эти приказанія будутъ выполнены. Обстановка походовъ, по крайней мѣрѣ въ той части, которую приходилось видѣть намъ во время перевозокъ на судахъ, была иногда очень тяжелая изъ за настроенія войскъ. Пьянство, даже во время походовъ, дошло до недопустимыхъ размѣровъ. Въ такихъ условіяхъ, отсутствіе денегъ казалось Военному Командованію невыносимомъ. Такъ или иначе, (можетъ быть, были и другія, болѣе серіозныя, причины), но ген. Вержбицкій, не посовѣтовавшись со мною и не спросивъ разрѣшенія Правительства, отдалъ по Военно-Морскому Вѣдомству приказъ, коимъ разрѣшалось всѣмъ желающимъ покидать ряды войскъ, начиная съ 1-го Мая. Приказъ этотъ у меня не сохранился, но помню, что смыслъ его былъ таковъ, что я потерялъ право задерживать кого бы то ни было изъ чиновъ флотиліи на службѣ. Между тѣмъ, на флотиліи практиковался до этого времени годичный срокъ подписки и всѣ, покидавшіе службу самовольно, почитались дезертирами.

Правда, приказъ этотъ Флотиліи не коснулся, т. к. состояніе духа ея личнаго состава въ этотъ періодъ было достаточно хорошимъ и никакого массоваго бѣгства не получилось. Между тѣмъ, въ арміи, особенно въ частяхъ находившихся въ болѣе близкихъ къ противнику раіонахъ, приказъ произвелъ сильное впечатлѣніе и многіе заявили о своемъ желаніи покинуть ряды арміи.

Правительство, встревоженное грозившимъ полнымъ роспускомъ рядового состава арміи, опротестовало этотъ приказъ и, 24-го Апрѣля послѣдовалъ приказъ. Вр. Пріамурскаго правительства № 294, въ которомъ указывалось, что въ силу измѣнившихся обстоятельствъ, Правительство вынуждено было пересмотрѣть приказъ по Военно-Морскому вѣдомству и совершенно прекратить оставленіе рядовъ арміи впредь до представившейся возможности. Одновременно, Правительство объявля-

ло о принимаемыхъ имъ героическихъ мѣрахъ по реорганизаціи снабженія и улучшенія быта и жизни арміи, и установленія твердой шкалы ежемѣсячнаго денежнаго довольствія.

Дабы получить возможность исполнить свое обѣщаніе о выплатѣ жалованія военно-служащимъ, Правительство, въ первыхъ числахъ Мая, созвало многочисленное военное совѣщаніе, на которое были приглашены всѣ командиры полковъ. Предметомъ совѣщанія былъ вопросъ, какъ добиться того, чтобы создать въ арміи приближающееся къ нормальному отношеніе бойцовъ (5-6.000) и числомъ кормящихся около нихъ (21.000).

Главнымъ препятствіемъ на пути къ этому стояли штабы корпусовъ (3 корпуса), отдѣльныхъ бригадъ, полковъ, насчитывавшихъ отъ 500 до 200 штыковъ, штаты многочисленныхъ хозяйственныхъ и довольствующихъ единицъ.

Совѣщаніе выяснило твердое желаніе Арміи сохранить существовавшую организацію, полное расхожденіе во взглядахъ между Правительствомъ и команднымъ составомъ арміи въ вопросахъ назрѣвавшихъ реформъ военной организаціи, и полное безсиліе Правительства провести эти реформы.

Своимъ предыдущимъ приказомъ, Военное Командованіе, не упраздняя штабовъ, находило, повидимому, возможнымъ отпустить всѣхъ желажелающихъ, что отразилось бы больше всего на части личнаго состава, наиболѣе часто подвергающаго свою жизнь опасности, и несущаго на себѣ всю тяжесть походной жизни, т. е. на численности рядовыхъ бойцовъ.

Между тѣмъ, Правительство считало этотъ элементъ наиболѣе драгоцѣннымъ и склонно было уничтожить цѣлый рядъ штабовъ и хозяйственныхъ единицъ, сведя всю Армію къ штату пѣхотной дивизіи мирнаго времени. Правительствомъ были даже приглашены военные спеціалисты изъ состава профессоровъ Военной Академіи, которые занялись разработкой новыхъ штатовъ.

Съ этого момента, пропасть легла окончательно между Каппелевскимъ командованіемъ и Правительствомъ въ лицѣ наиболѣе видныхъ его членовъ, С. Д. и Н. Д. Меркуловыхъ.

Конечно, Правительство не въ силахъ было сдержать своего обѣщанія объ уплатѣ жалованія по минимальной шкалѣ, но все же старалось собрать необходимыя для того средства, что отразилось немедленно на остальныхъ частяхъ хозяйства. Такъ, 3-го Мая, я столкнулся съ невозможностью послать к/л. «Діомидъ» въ Ольгу со снабженіемъ для экспедиціоннаго отряда, на смѣну к/л. «Патроклъ», срочно нуждавшейся въ ремонтѣ. Для этого требовалось 700 рублей. Ихъ я получилъ только послѣ моего письменнаго доклада Предсѣдателю Правительства. 9-го Мая я донесъ Командующему Войсками рапортомъ № 284, что не въ состояніи исполнить его оперативный приказъ о перевозкѣ войскъ моремъ

изъ Владивостока въ заливъ Америка за полнымъ отсутствіемъ угля во флотиліи. Суда экспедиціоннаго отряда въ Ольгѣ начинали испытывать недостатокъ угля, но я былъ безсиленъ имъ послать что-нибудь. Нечего было и думать о посылкѣ судовъ на сѣверъ, хотя бы по побережью до Императорской Гавани, не смотря на поступавшія свѣдѣнія, что партизаны и японскіе хищники хозяйничаютъ тамъ во всю.

8-го Мая прибылъ изъ Петропавловска на Камчаткѣ транспортъ «Охотскъ», сданный въ чартеръ въ декабрѣ на 2 мѣсяца, но самовольно задержанный въ Петропавловскѣ до весны мѣстными властями.

Докладами лицъ, вернувшихся на «Охотскѣ», устанавливалась срочная необходимость принять мѣры къ упорядоченію Правительственной администраціи на сѣверѣ. Надо было торопиться съ отправкой экспедиціи.

Между тѣмъ, 12-го мая новый кризисъ разразился надъ флотиліей. Примѣнявшаяся до того времени Правительствомъ система оплаты поставщиковъ флотиліи не деньгами, которыхъ не хватало, а ассигновками, съ правомъ взноса этихъ ассигновокъ вмѣсто денегъ, для уплаты таможенныхъ сборовъ, начала становиться очень невыгодной для Правительства, т. к. эта система получила широкое распространеніе и для другихъ вѣдомствъ. Кромѣ того, Правительство оказалось не въ состояніи контролировать министра финансовъ, который, вслѣдствіи уступокъ сдѣланныхъ Правительствомъ Народному Собранію, считалъ себя отвѣтственнымъ, главнымъ образомъ, передъ нимъ, и разсматривалъ указанія Предсѣдателя Правительства, какъ вторженіе въ сферу своей компетенціи. Въ результатѣ, получилось перепроизводство этого типа ассигновокъ и количество ихъ далеко превышало то, что поглощалось таможней, почти единственнымъ учрежденіемъ, дававшимъ Правительству постоянный доходъ. Правительство стало получать почти весь свой доходъ только собственными ассигновками, а не реальными деньгами. Къ тому же, ассигновки эти упали въ цѣнѣ на рынкѣ до 60 процентовъ ихъ стоимости. Правительство издало указъ о воспрещеніи новыхъ переводовъ ассигновокъ на таможню. Это отразилось на продовольствіи флотиліи.

Будучи предупрежденъ Капитаномъ надъ Портомъ объ угрожающемъ флотиліи голодѣ вслѣдствіи объявленнаго отказа поставщиковъ продолжать снабженіе, я доложилъ Правительству о создавшемся положеніи, но не получилъ удовлетворенія. На слѣдующій день поставщики осуществили свою угрозу. Никакихъ денежныхъ запасовъ, чтобы пережить кризисъ, у флотиліи не было.

Тогда я лично передалъ Предсѣдателю Правительства нижеслѣдующій докладъ:

КОМАНДУЮЩІЙ
СИБИРСКОЙ ФЛОТИЛІЕЙ
12 Мая 1922 г.
Владивостокъ.

ПРЕДСѢДАТЕЛЮ ВРЕМЕННАГО
ПРІАМУРСКАГО ПРАВИТЕЛЬСТВА

17 января с. г. за № 186, я подалъ Вамъ докладъ о катастрофичномъ положеніи Флотиліи. Тогда же были приняты мѣры, выразившіяся въ переводѣ съ 1-го Февраля всѣхъ служащихъ Морского вѣдомства на пайковое довольствіе и заключеніе контрактовъ съ двумя поставщиками: съ Быковымъ, на выпечку хлѣба, и съ Менделевичемъ на всѣ остальные продукты. Въ виду недобросовѣстности Менделевича, договоръ съ нимъ 1-го Марта былъ мною расторгнутъ и заключенъ новый договоръ, съ Сейхо. Оба договора предусматривали расплату наличными деньгами, а если расплата производится ассигновками на таможню, то съ повышеніемъ цѣны противъ рыночной на разницу курса.

Въ моемъ докладѣ 1 Января необходимая сумма предусматривалась въ 54.000 руб. наличными. На Май мѣсяцъ требуется 76.800 руб. Эта сумма слагается изъ увеличенія цѣны на мясо почти вдвое, и 20 проц. потери на ассигновкѣ.

ЛЮДИ ИМѢЮТЪ ПРАВО И ДОЛЖНЫ БЫТЬ СЫТЫ.

За исключеніемъ мелкихъ шероховатостей, неизбѣжныхъ при переходѣ на новую систему, въ это время никакихъ недоразумѣній не было и всѣ люди были сыты. Можно критиковать эту систему, но я нахожу ее въ настоящій моментъ достаточно удачной и ломать ее нельзя.

Въ настоящій моментъ выплата по ассигновкамъ прекращена; вчера прекратилъ поставку хлѣба Быковъ, сегодня — поставку всего, Сейхо.

ЗАВТРА ФЛОТИЛІИ БУКВАЛЬНО НЕЧЕГО ѢСТЬ.

Въ обмундированіи совершенно нѣтъ рабочаго платья, которое для матроса необходимо.

По снабженію матерьялами, необходимыми для плаванія, т. е. масло, пакля, обстрижка, цинки, клингеритъ и т. д., кромѣ угля, вопросъ стоитъ еще острѣе. Всего за эти матерьялы надо около 10.000 руб. въ мѣсяцъ. Всего за первое полугодье отпущено 10.000 руб. и для ближайшей операціи матерьяловъ уже нѣтъ.

П. п. Контръ-адмиралъ **Старкъ.**

Положеніе было временно урегулировано и продовольствіе флотиліи возобновилось. Также были отпущены нѣкоторыя средства на уголь и матерьялы для плаванія.

12 Мая, приказомъ № 387 я объявилъ боевое расписаніе флотиліи на второе полугодіе 1922 г.

ОТЪ РЕДАКЦІИ: Согласно этому приказу, составъ флотиліи раздѣлялся на:

Штабъ Командующаго флотиліей — 6 кораблей,

Управленіе Н-ка Охраны Воднаго раіона крѣпости Владивостокъ — 20 кораблей.

(Большинство кораблей, предназначалось къ плаванію въ теченіи 5 и 6 мѣсяцевъ, нѣсколько — въ резервѣ).

Отдѣлъ Вспомогательныхъ Средствъ — въ который входили Портовыя Средства,

Служба Связи,

Рота Морскихъ стрѣлковъ, Отдѣльная Морская Дессантная рота и прочія команды.

10 миноносцевъ, по состоянію механизмовъ непригодныхъ къ починкѣ и службѣ — въ состояніи долговременнаго храненія.

Для поясненія необходимо указать, что всѣ канонерскія лодки, «Дыдымовъ», всѣ посыльныя суда, миноносцы: «Точный», «Твердый», «Инж. Мех. Анастасовъ», брандвахты, большинство катеровъ, числившихся въ кампаніи и въ резервѣ, Служба Связей и ея катера, роты и команды были полностью укомплектованы военно-служащими. Ледоколы, транспортъ «Охотскъ», краны и баржи были укомплектованы вольнонаемнымъ составомъ по штату. Транспортъ «Камчадалъ», и миноносцы не состоявшіе въ кампаніи, ни въ резервѣ, не имѣли вовсе личнаго состава и охранялись караулами. Общій численный составъ военно-служащихъ во флотиліи былъ около 1.300 чел. Отношеніе между численностью строевыхъ частей и штабовъ было совершенно нормальное. Единственнымъ больнымъ мѣстомъ флотиліи продолжала оставаться Служба Связи, гдѣ, вслѣдствіе запущенности матеріальной части и отсутствію средствъ на ремонтъ ея, а также благодаря малому количеству хорошихъ спеціалистовъ, особенно радіотелеграфистовъ, никакъ не удавалось наладить регулярную связь съ постами и своевременную доставку ими донесеній.

Дѣятельность флотиліи за это время выразилась въ слѣдующемъ:

5 Мая к/л. «Діомидъ» смѣнила въ Ольгѣ к/л. «Патроклъ», которая вернулась во Владивостокъ.

11-13 Мая въ развѣдку по всѣмъ бухтамъ побережья, до мыса Поворотнаго ходилъ п/с. «Аяксъ». Во многихъ мѣстахъ команда «Аякса» высаживалась на берегъ для распространенія агитаціонной литературы и сбора свѣдѣній о партизанахъ. Партизаны обнаружены не были, но близкое присутствіе ихъ чувствовалось въ разныхъ пунктахъ побережья.

14 Мая, отрядъ въ составѣ к/л. «Магнитъ», лед. «Байкалъ» и тр. «Охотскъ», произвелъ перевозку дессанта въ 1.100 чел. изъ Владивостока въ бухту Америка. Дессантъ был назначенъ для занятія Сучанскаго раіона. На слѣдующій день «Байкалъ» и «Магнитъ» вернулись во Вла-

дивостокъ, а «Охотскъ» былъ посланъ въ бухту Св. Ольги съ грузомъ угля и продовольствія для экспедиціоннаго отряда.

17 Мая вернулся изъ Ольги к/л. «Илья Муромецъ», а 20 Мая, тр. «Охотскъ». Въ Ольгѣ оставались: к/л. «Діомидъ», лед. «Надежный» и полурота Морскихъ Стрѣлковъ.

21 Мая въ мѣсячное крейсерство по Амурскому заливу и по побережью былъ отправленъ п/с. «Стражъ», командиру коего было вмѣнено въ обязанность координировать свои дѣйствія со Штабомъ противухунхузнической обороны, организованной въ этой мѣстности однимъ изъ богатыхъ заимщиковъ, г-номъ Янковскимъ. Нашихъ войскъ въ этомъ районѣ почти не было, т. ч. присутствіе «Стража» представлялось очень полезнымъ.

19 Мая п/с. «Аяксъ» вышло въ бухту Америка для доставки пополненія къ Сучанскому отряду, по выполненію чего «Аяксъ» находился до 25 Мая въ крейсерствѣ по побережью между мысомъ Поворотнымъ и Владивостокомъ. Ничего подозрительнаго не было обнаружено.

28 Мая на смѣну лед. «Надежный» вышелъ изъ Владивостока лед. «Байкалъ», лед. «Надежный» вернулся во Владивостокъ и вступилъ въ ремонтъ.

24 Мая я получилъ черезъ Командующаго Войсками постановленіе Совѣта Управляющихъ Вѣдомствами о необходимости поручить Военно-Морскому Командованію срочно озаботиться посылкой надлежащей вооруженной силы для содѣйствія лѣсному надзору по охранѣ лѣсныхъ промысловъ. Въ тотъ же день я донесъ Командующему Войсками о готовности флотиліи къ выполненію операціи и просилъ его ходатайствовать объ отпускѣ средствъ и о назначеніи Правительственной милиціи, которая заняла бы районъ на постоянный срокъ послѣ того, какъ Флотилія выполнитъ задачу по очищенію его отъ партизанъ. Къ сожалѣнію, этотъ вопросъ, казалось, прошедшій всѣ инстанціи, дальнѣйшаго движенія пока не получилъ.

(Продолженіе слѣдуетъ)

Кап. 2 р. А. Чернушевичъ

О ВЕЛИКОМЪ КНЯЗѢ КОНСТАНТИНѢ КОНСТАНТИНОВИЧѢ

Воспоминаніе

Вступленіе въ Общество офицеровъ Россійскаго Императорскаго флота въ Америкѣ, наслѣдственнымъ членомъ Общества, княжны Вѣры Константиновны, внучки Генералъ-Адмирала и Великаго Князя Константина Николаевича и дочери Великаго Князя Константина Константиновича, доставило пишущему эти строки живѣйшую радость, и воскресило въ памяти незабываемое, связанное со свѣтлой личностью Великаго Князя Константина Константиновича.

Случай, о которомъ я хочу разсказать, произошелъ въ «давно прошедшіе» времена, вскорѣ послѣ того, какъ Вел. Кн. Константинъ Константиновичъ былъ назначенъ Начальникомъ всѣхъ Военно-Учебныхъ Завѣденій, въ 1901 г.

Въ то время я был кадетомъ 3 класса 1-го Кадетскаго Корпуса и собирался поступать, по конкурсу аттестатовъ, въ Морской Кадетскій Корпусъ.

Въ тѣ времена кадеты должы были знать на зубокъ титулы всѣхъ высокопоставленныхъ и начальствующихъ лицъ, изъ за чего приходилось, иногда, испытывать нѣкоторые неудобства, особенно въ отпускные дни.

Помню, рота стоитъ въ одну шеренгу, въ шинеляхъ и башлыкахъ на голову, если морозъ былъ свыше 10°. Воспитатели, во главѣ съ ротнымъ командиромъ, строго экзаменуютъ уходящихъ въ отпускъ.

— «Кто у насъ военный министръ?» — задается вопросъ.

— Его Высоко-Пр-во, генералъ-отъ...

— «Кто Начальникъ Военно-Учебныхъ Завѣденій?» —

— Его Высоко-Пр-во, генералъ-отъ...

Вопросы слѣдовали одинъ за другимъ. «Просыпавшійся» оставлялся безъ отпуска, или отпускъ сокращался.

Въ большинствѣ случаевъ въ этомъ и заключалось все наше знакомство съ высокопоставленными и начальствующими лицами. Мы ихъ никогда не видѣли и только однажды, за три года, Корпусъ удостоился посѣщенія Государемъ Императоромъ. Поэтому, приказъ о назначеніи Вел. Кн. Константина Константиновича Начальникомъ всѣхъ Военно-учебныхъ Заведеній особаго впечатлѣнія не произвелъ.

Но какъ все измѣнилось послѣ перваго посѣщенія Корпуса! Безъ предупрежденія, безъ всякой помпы, Великій Князь вошелъ въ III-ій классъ, гдѣ я находился.

Во время завтрака вошелъ въ столовую, обошелъ столы, попробовалъ пищу...

Послѣ завтрака кадеты его окружили. Онъ совершенно просто и ласково бесѣдовалъ съ окружавшими его, и, буквально, въ короткое время всѣхъ очаровалъ.

Трудно описать первое впечатлѣніе произведенное имъ на дѣтей, подростковъ и юношей. Очевидно онъ очаровалъ всѣхъ своей простой манерой, ласковой и мягкой, своей задушевностью и чисто отеческимъ отношеніемъ. Это почувствовалось сразу, и сразу же перешло въ какое то обожаніе. Всѣ старались подойти, приблизиться къ нему, особенно малыши; старались взять у него что нибудь «на память», — платокъ или пуговицу. Какъ сейчасъ слышу его мощный, пріятный баритонъ: — «Господа, не отрывайте пуговицъ отъ сюртука, а то мнѣ попадетъ отъ моей Княгини.» — Все же, его носовые платки были изорваны въ мельчайшіе кусочки и разобраны «на память».

Долго я хранилъ микроскопическій кусочекъ носового платка, вмѣстѣ съ кусочкомъ отъ халата Петра Великаго, доставшегося мнѣ отъ моего прадѣда. Къ сожалѣнію, обѣ реликвіи были утеряны или украдены въ вихрѣ послѣдующихъ событій.

Въ этомъ же году сыновья Великаго Князя, Іоаннъ и Гавріилъ Константиновичи поступили въ IV классъ.

Помнится, они были очень серьезные юноши, держали себя просто и пользовались общей симпатіей. Мнѣ не приходилось съ ними часто встрѣчаться — учебный годъ подходилъ къ концу и я уѣхалъ въ лѣтній отпускъ.

Учился я все время прилично и шелъ въ первомъ десяткѣ, но 1900-01 учебный годъ былъ для меня неудаченъ. Въ началѣ года я заболѣлъ краснухой и провелъ около шести недѣль въ заразномъ лазаретѣ. Въ этомъ-же учебномъ году въ Корпусѣ свирѣпствовала эпидемія кори и скарлатины... По существовавшимъ правиламъ, сосѣди заболѣвшаго отправлялись въ лазаретъ въ карантинъ, или, какъ тогда говорили, «на испытаніе».

Мнѣ такъ повезло, что я съ ноября по мартъ, изъ карантина не выходилъ. Слѣдовать за классомъ приходилось по получаемымъ по вечерамъ запискамъ, съ указаніемъ, что учить «отъ» и «до». Конечно, я училъ все добросовѣстно, но результатъ былъ неудовлетворительный, сказывалось отсутствіе «контроля», объясненій, и, быть можетъ, и лѣнца немного одолѣвала.

Во всякомъ случаѣ, по отбытіи карантина я нашелъ себя чуть ни въ концѣ второго десятка, хотя отмѣтокъ меньше 9-10 не было, за

исключенiемъ нѣмецкаго языка, по которому я съ трудомъ дотянулъ до балла «душевного спокойствiя» — шестерки.

Еще въ началѣ учебного года я заявилъ Отдѣленному Начальнику, капитану Трегеру, что собираюсь перейти въ Морской Корпусъ. — Ну, куда тебѣ во флотъ, ты очень плохъ по гимнастикѣ...» — отвѣтилъ на мое заявленiе Трегеръ.

— «Г-нъ капитанъ, я родился у моря, всѣ мои предки съ материнской стороны, чуть не ли съ Петровскихъ временъ, служили, воевали и умирали на флотѣ, первое слово которое я научился произносить было «море», такъ неужели же я долженъ итти въ сухопутныя войска.» —

— «Жаль, но что-же, тебѣ виднѣе» — отвѣтилъ отдѣленный, прекрасный человѣкъ и воспитатель по призванiю. — «Вотъ только тебѣ надо «подтянуться» по нѣмецкому языку. Съ шестеркой тебя не примутъ по конкурсу аттестатовъ. Придется держать всѣ экзамены или ждать еще одинъ годъ и переходить безъ всякихъ экзаменовъ. Впрочемъ, я поговорю съ преподавателемъ и попрошу дать тебѣ возможность исправить отмѣтку». —

На подготовку мнѣ дана недѣля и два лучшихъ «знатока» нѣмецкаго языка были назначены меня «натаскивать».

Очень трудно было «объять необъятное» и не менѣе трудно наверстать упущенное за шесть мѣсяцевъ вынужденнаго бездѣйствiя. Несмотря на героическiя усилiя моихъ репетиторовъ, и значительное количество полученныхъ мною тумаковъ и «болдянокъ» (щелчковъ по лбу), результаты будущаго исправленiя казались весьма сомнительными. Наконецъ наступилъ день, какъ думалось мнѣ, позорища. Настроенiе было не важное, да и съ утра чувствовалъ себя неважно — жаръ и головная боль. Катастрофа должна была произойти на второмъ урокѣ...

Не успѣлъ преподаватель, г-нъ Герценбергъ, принять рапортъ дежурнаго и сказать Sietzen Sie sich, какъ вновь раздалась команда: «Встать! Смирно!» и въ классъ вошелъ Великiй Князь въ сопровожденiи Отдѣленнаго Начальника.

— «Ваше Императорское Высочество, въ III классѣ, II отдѣленiя, кадетъ по списку 27, въ лазаретѣ 3, въ отпуску I, подъ арестомъ нѣтъ, на лицо 23». отчетливо отрапортовалъ дежурный по классу.

Поздоровавшись съ классомъ и преподавателемъ, Великiй Князь предложилъ послѣднему продолжать урокъ а самъ пошелъ и сѣлъ на свободную парту, какъ разъ за моей спиной.

Настроенiе у меня упало совершенно. «Провалиться», куда ни шло — плохо, конечно, но провалиться въ присутствiи Великаго Князя было прямо позорно. Но... отступленiя не было.

Herr Lehr, повидимому, изъ приличiя, порылся въ классномъ журналѣ и вызвалъ меня отвѣчать «съ мѣста».

На первые вопросы я отвѣтилъ болѣе или менѣе удовлетворительно и съ незначительными «заѣданiями», но когда дѣло дошло до грамматики,

до какихъ то тамъ deklinations и проч., то пошло хуже и наконецъ «заѣло» окончательно...

Въ этотъ моментъ слышу за собой тихій, но явственный шепотъ: — Stark, starker, starkest, schwach, schwacher...

Даже не отдавая себѣ отчета, откуда это идетъ я безъ запинки, слѣдуя этому шепоту, отвѣчалъ на всѣ задаваемые вопросы.

— «Sehr gut!», обрадовался преподаватель, и, очевидно, желая дать мнѣ возможность исправить нѣсколько неблагопріятное впечатлѣніе отъ предыдущихъ запинокъ, предложилъ прочесть какое то глупѣйшее стихотвореніе, которое мы учили еще въ I классѣ, которое я благополучно забылъ и, конечно, не повторилъ. Помнилъ только первыя двѣ строчки, но бодро началъ:

''Es war einmal ein Kater
''Der knurrte täglich sehr...

и на этомъ осѣкся... Вдругъ слышу за спиной все тотъ же спасительный шопотъ: —

''Da sprach zu ihm sein Vater
''Komm Söhnchen einmal her...
''Und als das Söhnchen zu ihm kamm
''Der Vater einen Mauskorb nahm
''Und steckt ihm Nase und Maul hinein
''Und sagte, Söhnchen ruhig sein...

Далѣе — слѣдуя подсказаннымъ строкамъ, бодро ихъ произнесъ. На этомъ «исправленіе» окончилось.

Слышалъ ли преподаватель подсказку, я не знаю, но капитанъ Трегеръ не могъ не слышать, но ни одинъ мускулъ не дрогнулъ на его лицѣ.

Великій Князь всталъ и, выходя потрепалъ меня по стриженной головѣ — «исправился», улыбнулся и вышелъ изъ класса.

Я чувствовалъ себя сильно сконфуженнымъ, и, какъ сосѣди говорили, «сварилъ здороваго рака».

Обыкновенно, послѣ второго урока, заболѣвшіе отводились на амбулаторный пріемъ въ лазаретъ. Записался и я. Пріемъ въ этотъ день производилъ младшій врачъ, докторъ Райхъ, маленькій, лысый, хорошій докторъ и очень симпатичный человѣкъ. Пока измѣряли температуру, выстукивали и выслушивали, въ пріемный покой вошелъ Великій Князь. Увидавъ меня, онъ спросилъ, «а, и ты тутъ.» — «Что съ нимъ», обратился онъ къ доктору. «Febris catharalis» ответилъ д-ръ Райхъ.

— «Дайте ему касторки», улыбнулся Великій Князь. Немедленно фельдшеръ протянулъ мнѣ винный стаканъ «эмульціи» — отвратительной смѣси касторки съ козьим молокомъ.

Великій Князь очень позабавился, видя съ какимъ нескрываемымъ отвращеніемъ и гримасами я эту отвратительную эмульцію глоталъ.

Уходя, Великій Князь пожелалъ мнѣ успѣшной службы во флотѣ.

Больше я его не видѣлъ, но на всю жизнь сохранилъ свѣтлую о немъ память и чувство глубочайшаго уваженія и преклоненія передъ его свѣтлой личностью.

Думается, что Великій Князь былъ освѣдомленъ капитаномъ Трегеромъ о моихъ затрудненіяхъ и, по своей безконечной добротѣ и симпатіи къ флоту рѣшилъ мнѣ помочь.

ДЕСЯТЬ ЛѢТЪ НА ИМПЕРАТОРСКОЙ ЯХТѢ «ШТАНДАРТЪ»

Окончаніе

На возвратномъ пути Государь все время ходилъ съ Григоровичемъ и Ниловымъ по верхней палубѣ, и они о чемъ то горячо говорили. Кто бы могъ подумать, что это было послѣднее въ жизни плаваніе Государя на «Полярной» о многочисленныхъ походахъ на ней, въ бытность свою женихомъ, Государь съ такой любовью записывалъ въ своемъ дневникѣ.

Въ Петергофѣ жизнь текла своимъ чередомъ; мы, съ офицерами «Александріи» ѣздили на автомобиляхъ по окрестностямъ, ходили по заливу на ботѣ датской постройки «Увалень», который былъ въ числѣ плавучихъ средствъ Петергофской Военной гавани. Это было прекрасное мореходное судно, изъ типа лоцманскихъ датскихъ судовъ, и, собственно говоря, оно было совершенно не нужно, ни охранѣ Военной гавани, ни двору, ни, тѣмъ болѣе, Ихъ Величествамъ. Происхожденіе этого бота было довольно оригинально: какъ то Александръ III былъ на «Полярной» въ Копенганенѣ, и въ это время мимо яхты проходилъ такой лоцманскій ботъ. Одинъ изъ офицеровъ яхты, кажется, лейтенантъ графъ Ф. Н. Литке, обратилъ вниманіе Государя, что на такомъ ботѣ можно смѣло дойти до Кронштадта. Александръ III приказалъ купить ботъ, и послалъ Литке на немъ въ Россію, что было успѣшно и благополучно выполнено. Послѣ этого ботъ приписали къ судамъ Петергофской охраны, и изрѣдко на немъ офицеры упражнялись и катались.

Въ это время «Штандартъ» пришелъ изъ Чернаго моря и было приказано срочно готовиться къ плаванію съ Ихъ Величествами въ шхеры. Государыня чувствовала себя очень плохо, и хотѣла отдохнуть въ тиши столь нравившихся ей и любимыхъ финскихъ шхеръ.

Яхту въ нѣсколько дней привели въ постоянный ея щегольской видъ, и въ первыхъ числахъ Іюля Ихъ Величества ушли на рейдъ Штандартъ, всего на нѣсколько дней, такъ какъ въ первыхъ же числахъ этого мѣсяца ожидался приходъ французскаго президента, Раймонда Пуанкарэ, вмѣстѣ съ Вивіани. По поводу этого визита говорили, что въ связи съ Сараевскимъ убійствомъ, въ воздухѣ пахло порохомъ, но о войнѣ еще никто не говорилъ, хотя многіе о ней думали. А по поводу Вивіани, матерого соціалиста, какъ это онъ сопровождаетъ президента, въ такую имперіалистическую страну, и какъ это онъ одѣнетъ ленту черезъ плечо,

которую Государь предполагалъ ему пожаловать? Однако, онъ ее, ничуть не смущаясь, надѣлъ и носилъ.

Въ шхерахъ, въ этотъ разъ, настроеніе у всѣх было неважное, всѣ чувствовали себя какъ то на готовѣ къ чему то, вѣрнѣе это происходило отъ того, что пошли мы всего на нѣсколько дней, и впереди опять ожидались торжества, пріемы и вѣроятно разговоры для Государя, которыхъ онъ врядъ ли хотѣлъ, и во время которыхъ онъ долженъ былъ быть на чеку и взвѣшивать каждое слово, оцѣнивать свои обѣщанія, и давать свое согласіе за всю Имперію.

Къ тому же, бѣдный Наслѣдникъ былъ боленъ. Оба доктора, Е. С. Боткинъ и В. Н. Деревенко, буквально не отходили отъ его скорбного ложаца. Такое настроеніе духа, и какое то нервное состояніе, вѣроятно испытывала и многострадальная за сына Государыня, но, конечно, въ неимовѣрно сильнѣйшей степени. Ея Величество уже не завтракала со всѣми, а для нее устроили навѣсикъ у гротъ мачты, подъ маленькимъ тентомъ, гдѣ она проводила все время и куда ей подавали кушанія, спеціальныя блюда, и, почему то, каждый день, фаршированную шпинатомъ печеную картофель. Мѣсто это у гротъ мачты было очень на виду, все время проходили матросы для судовыхъ работъ или приборки, такъ что пришлось сдѣлать небольшія ширмочки, чтобы Ея Величеству было покойно и уютно.

Флагъ-капитанъ, бывшій въ какомъ то подавленномъ настроеніи, грустномъ и молчаливомъ, сердился, зачѣмъ это пошли на такой короткій срокъ въ эти шхеры, когда на носу опять визитеры; телеграммъ было безъ конца, и я только и дѣлалъ что расшифровывалъ депеши отъ Зилотти и по нашему частному шифру.

Одинъ только Государь, сохранялъ свое всегдашнее прекрасное настроеніе, былъ въ отличномъ расположеніи духа, вотъ какова была сила воли у нашего незабвенного Хозяина, этого рѣдкаго христіанина, вѣрующаго человека, полагавшегося во всемъ и всегда на Волю Господню.

Государь гребъ на байдаркѣ, игралъ въ теннисъ, вечерами въ домино, а по безпроволочному телеграфу приходили длинныя сообщенія о начинающемся клокотаніи европейского котла, о разныхъ ультиматумахъ, задираніяхъ нѣмцевъ, остроуміи и глумленіи надъ ними французовъ, и молчаливомъ наблюдательствѣ холодныхъ и разсчетливыхъ англичанъ.

Ничего хорошаго это не сулило. Съ нами въ плаваніи была еще А. А. Вырубова, которая сильно измѣнилась въ своемъ моральномъ обликѣ; я даже скажу, что многіе стали ея побаиваться и сторониться, въ частности, мой адмиралъ не могъ уже о ней слышать, но, какъ джентльменъ, пересталъ о ней говорить, чтобы не говорить плохо. Все это было крайне тяжело. Лишнее говорить, что думала и какъ относилась свита въ это время къ Вырубовой.. А среди офицеровъ яхты, пожалуй одинъ только инженеръ-механикъ С. Р. Невяровскій сохранилъ съ ней неиз-

мѣнно слегка насмѣшливыя, но добродушныя и благожелательныя отношенія. Пожалуй, благодаря его особому характеру, и если не врожденному, то хорошо впитанному англійскому безразличію ко всѣму, нѣкоторой ноншалантности съ сознаніемъ, однако, своего превосходства, и снисходительности къ окружающимъ, ему удавалось, все же, держать линію прежней дружбы и пріятельскихъ отношеній съ бѣдной Анной Александровной, которая, въ концѣ концовъ, была въ прошломъ, была и въ настоящемъ, печальномъ, и я надѣюсь, есть и теперь хорошій человѣкъ съ добрымъ сердцемъ, но попавшій не на свои рельсы, и сошедшая съ нихъ въ отношеніяхъ своихъ къ Распутиновщинѣ.

Если бы можно было составить графическую линію перваго плаванія Ихъ Величествъ на яхтѣ «Штандартъ» въ 1906 году, и, увы, какъ оказалось, ко всеобщему, не только нашему, маленькихъ офицеровъ яхты, но и всероссійскому, и даже, можно сказать, пожалуй, къ всемірному несчастію — линія этого послѣдняго плаванія Ихъ Величествъ въ этомъ 1914 году, то линія этого графика получилась бы совершенно изломанная, нисходящая къ концу со скачками, печальная и необъяснимая со стороны, но намъ, плававшимъ столько лѣтъ подрядъ, — понятная и много извиняющая.

Я думаю, что всѣ, кто плавалъ такъ непрерывно, какъ имѣлъ счастіе и незабываемую порой и во снѣ честь я, всѣ мы, старые чагинскіе штандартцы, согласятся со мною, что Государь Императоръ, какъ Незабвенный Августѣйшій хозяинъ яхты, за всѣ десять лѣтъ не перемѣнился. Этотъ, теперь святой для всѣхъ насъ, столь близко Его знавшихъ, Великомученникъ, оставался все тѣмъ же прекраснымъ, добрымъ, снисходительнымъ человѣкомъ, любящимъ отцомъ, прекраснымъ семьяниномъ джентльменомъ до конца, и привѣтливымъ и любезнымъ Хозяиномъ своей яхты.

Ея Величество, Государыня, совершенно и до неузнаваемости перемѣнилась. Изъ веселой, красивой, обаятельной молодой женщины, шаловливо кидавшей вахтенному начальнику персикъ или тайкомъ совавшей горсть конфетъ — Государыня сдѣлалась замкнутой, сосредоточенной, молчаливой, и, что всего печальнѣе — больной женщиной. Вѣчно въ страхѣ за безгранично и даже, пожалуй, фанатично любимого сына, вѣчно въ заботахъ о его хрупкомъ здоровіи, прислушивающаяся къ нашептываніямъ Вырубовой и другихъ, Государыня превратилась, — въ морально и физически нездоровую женщину. Перемѣна была разительна.

Очень тяжело вспоминать о Наслѣдникѣ. Въ 1906 году, когда малюткѣ было всего два года, это былъ очаровательный крошка, здоровенькій, розовый, пухленькій. Что за несчастная наслѣдственность! За что? И вотъ это очарованіе, это Сонни, это Солнышко счастливыхъ родителей, лучъ, который, наконецъ, послѣ столькихъ ожиданій, освѣтилъ ихъ супружескую жизнь — это Солнышко стало годъ отъ году затемняться, терять свой блескъ, эти ночи напролетъ безъ сна, ночи въ

мученіяхъ, эти пищевые режимы, когда того нельзя, другое вредно, этотъ аппаратъ одно время на ножкѣ, это вѣчное «на чеку», чтобы мальчикъ не ударился, обреченность истечь кровью въ случаѣ порѣза, или если надо было вырвать зубъ — это, собственно говоря, былъ въ линіи общихъ десяти лѣтъ плаванія и жизни несчастного страдальца, страшный и катастрофическій скачекъ графика внизъ, который тянулъ за собой и всеобщее наше и даже Всероссійское благополучіе, потому что въ это несчастіе, въ это горе, въ эту катастрофу замѣшивалась или примѣшивалась зловѣщая тѣнь старца. Безусловно, болѣзнь Наслѣдника была несчастіемъ всѣхъ и всего.

Княжны. Это были всѣ десять лѣтъ плаваній живые ангелы, неописуемыя по очаровательности. Такихъ добрыхъ, милыхъ, красивыхъ дѣвочекъ мы другихъ не встрѣчали, да пожалуй таковыхъ не было и въ природѣ. Почему же? Да потому, что это были дочери Русскаго Царя. Это было внушительно. Почти однолѣтки по парамъ, Ольга и Татьяна, Марія и Анастасія, какъ ихъ раздѣляли и сами родители, княжны были очень дружны между собой, просты въ отношеніяхъ со всѣми окружавшими ихъ, обладали прекрасными характерами, чистыя и непорочныя въ мысляхъ, можетъ быть наивныя, какъ всѣ принцессы въ мірѣ, но умныя, воспитанныя и совершенно національныя по духу, съ русскими душами, и которыя серьезно думали, что смогутъ остаться въ Россіи, не выйти замужъ за иностранцевъ. Княжны не только остались таковыми, но стали лучше, потому что, выростя, опредѣлили свои прекрасные характеры, и на нашихъ глазахъ превратились въ молодыхъ женщинъ, сохранивъ всю свою чистоту, свои душевныя и сердечныя иевинности. Не ужасна ли ихъ казнь! И равнодушіе народовъ!

Свита, хотя почти не мѣнялась, кромѣ дамъ, но и среди нея были нѣкоторыя отклоненія. Трудно сказать что либо о почтенномъ министрѣ двора, графѣ Б. В. Фредериксъ. Безусловно преданный, очень любимый и очень любившій Ихъ Величествъ, графъ, пожалуй, съ самого 1906 года былъ уже, как говорятъ, не отъ міра сего человѣкъ. И не изъ за преклонныхъ лѣтъ, а какъ будто отъ природы. Изъ за своего высокаго положенія, особыхъ къ нему отношеній Ихъ Величествъ, графъ Фредериксъ стоялъ какъ то внѣ какихъ либо сужденій. Говорили, что въ свое время министръ давалъ цѣнные совѣты Государю, однако, на яхтѣ объ этомъ никогда никто не говорилъ и не слыхалъ.

Зато, очень крупной фигурой былъ гофмаршалъ графъ П. К. Бенкендорфъ. Этотъ благородный сановникъ, этотъ прекрасный западникъ, за все время свою неизмѣнно внѣшне-холодную, немного накрахмаленную наружость, вскользь посматривая на все и на всѣхъ черезъ сильный монокль, который вынималъ изъ глаза только при обращеніи къ нему Государя. Кто зналъ графа ближе, можетъ сказать, что это былъ замѣчательно умный, тонкій и пріятный человѣкъ! Не говоря много, всегда слегка въ сторонѣ, мы замѣчали, что Государь съ нимъ говорилъ отводя

его на ютъ, или въ укромное мѣсто, и, какъ казалось, разговоры эти бывали всегда серьезные, и Государь къ нему прислушивался.

Князь Орловъ, личный другъ Государя, могъ бы сдѣлать многое, если бы не отчаялся преждевременно, и не отошелъ отъ придворной жизни. Очень умный, прiятный, имѣть съ нимъ дѣла по службѣ было одно удовольствiе. При этомъ князь былъ добрѣйшiй и душевно благорасположенный къ людямъ человѣкъ.

О Дрентельнѣ я уже упоминалъ. Онъ всегда былъ неизмѣненъ, незамѣнимъ при плаванiяхъ, любезенъ, большой дипломатъ и шармеръ, любимый всѣми.

Докторъ Е. С. Боткинъ, этотъ идеальнѣйшiй во всѣхъ смыслахъ врачъ-человѣкъ, всей своей жизнью и смертью доказалъ, чѣмъ онъ былъ и чѣмъ долженъ быть такой приближенный.

Дамская часть свиты мѣнялась и не играла какой либо роли при такой властной хозяйкѣ, какой была Императрица. Вырубова никогда не была в свитѣ. Она была на совершенно особомъ положенiи и счету. Но, въ общемъ графикѣ, дамы шли ровно и были прелестными свѣтскими дѣвушками; графиня Гендрикова отличалась красотой, баронесса Буксгевенъ очаровательной любезностью и особымъ шармомъ, и всѣ были испытанными и преданными царедворками.

Если между этими отправными точками графика помѣстить встрѣчи съ иностранными монархами, визиты, плаванiя, весь укладъ яхтенной жизни, то линiя графика пошла бы еще болѣе книзу, и вотъ почему еще умный и дальновидный флагъ-капитанъ Ниловъ, искушенный въ придворныхъ жизняхъ, какъ при Большомъ дворѣ, такъ и при Великокняжескомъ, генералъ-адмирала, начиналъ какъ будто тяготиться, подумывалъ о Государственномъ Совѣтѣ, т. е. тихой и послѣдней пристани, но и находилъ выходъ — въ болѣе интересныхъ плаванiяхъ, походѣ куда нибудь въ Средиземное море, въ Африку, и даже на Востокъ, черезъ Индiю.

Какъ ни грустно это вспоминать и записывать, плаванiя наши упирались въ какой то однообразный тупикъ безъ выхода. Однообразiе какъ то прiѣдается.

Вотъ можно думать, что въ обществѣ, какъ морскомъ, такъ и вообще въ публикѣ, вѣроятно говорили и думали, что при Дворѣ и на «Штандартѣ» живется такъ хорошо, вотъ какiе счастливцы, никакихъ заботъ ни хлопотъ. Но этого не было, и порой бывали, наоборотъ, пренепрiятныя и тяжелыя минуты. Хотя бы въ смыслѣ охраны. И отвѣтственности. Ниловъ все чаще поговаривалъ объ уходѣ, что онъ усталъ, но вотъ вопросъ, кто могъ прiйти ему на смѣну? Пусть мои соплаватели отвѣтятъ сами себѣ, кто могъ бы замѣнить адмирала и изъ нашихъ экипажныхъ, и изъ флота?

Черезъ нѣсколько дней Ихъ Величества вернулись въ Петергофъ, сказавъ, что какъ только уйдутъ французы и кончатся маневры въ

Красномъ Селѣ, яхта вернется въ шхеры. Насколько я помню, кое-что изъ личныхъ вещей Ихъ Величествъ оставалось на яхтѣ. Такъ, напримѣръ, на маленькомъ столикѣ въ спальнѣ Государя въ порядкѣ разложены были галстухи. Въ одномъ изъ описаній придворной жизни я встрѣтилъ замѣтку, что Государыня, покидая послѣ этого плаванія яхту, сказала, что она чувствуетъ, что это было ихъ послѣднее плаваніе. Это вполнѣ вѣроятно, такъ похоже на чувства и нѣкоторый мистичный характеръ покойной нашей Хозяйки. Но, въ общемъ, никто не предполагалъ, что произойдутъ такія событія, которые сдѣлали это короткое плаваніе въ Іюлѣ 1914 года послѣднимъ въ жизни Царской Семьи и существованія яхты.

Для встрѣчи французскаго президента Государь со всей Семьей пошелъ на «Александріи» на Кронштадтскій рейдъ, и на ней же привезъ Пуанкаре со всей свитой въ Петергофъ. Офиціальная встрѣча была у насъ въ Военной гавани, при чемъ почетный караулъ былъ отъ нашего Гвардейскаго экипажа. Какъ извѣстно, Государь очень уважалъ Пуанкаре, этого, дѣйствительно, Перваго Гражданина прекрасной Франціи. При всемъ моемъ уваженіи къ Франціи, нужно сказать, что разница, между республиканскимъ отрядомъ, привезшимъ президента, и только что ушедшими крейсерами Его Величества Короля Георга V-го была большая.

Президентъ помѣстился въ Большомъ Петергофскомъ дворцѣ, гдѣ были пріемы и обѣды, чрезвычайно блестящіе и помпезные. Вообще, принимали французовъ очень радушно и внимательно. Изъ разсказовъ, и даже фактовъ, можно отмѣтить, что въ этомъ старомъ дворцѣ, уборная была весьма старомодный аппаратъ, вдѣланный въ стѣну и обдѣланный деревомъ. Вродѣ платяного шкапа. Когда президенту понадобился этотъ уголокъ, куда «всякаго влечетъ невѣдомая сила», то онъ никакъ не могъ его найти. А когда ему указали, то онъ былъ чрезвычайно смущенъ такой допотопщиной, и не зналъ, какъ влѣзть въ такой шкафъ.

Пуанкаре ходилъ на «Александріи» въ Петербургъ и яхта стояла все время подъ парами и въ полномъ его распоряженіи, что было очень внимательно со стороны Его Величества, такъ какъ «Александрія» была исключительно для личныхъ передвиженій Царской Семьи и ее никогда, никому не давали, даже членамъ императорской фамиліи. Ниловъ приказалъ мнѣ все время находиться въ гавани, и ходить на «Александріи». Вивіани оказался очень милымъ и вполнѣ буржуазнымъ сановникомъ, отлично носилъ пожалованную ему ленту высокаго ордена, а самъ Пуанкаре все время не снималъ великолѣпной Андреевской голубой ленты, ордена исключительно императорской фамиліи, вообще жаловавшейся простымъ смертнымъ весьма рѣдко. Изъ за пребыванія президента въ Петергофѣ, у насъ въ гавани происходило такое «ва э вьен», такъ какъ сообщеніе по водѣ въ эту жару было пріятнѣе, что кажется этого никогда не было въ исторіи Петергофской гавани. И при этомъ это была

настоящая вавилонская башня, потому что на пристани можно было слышать всѣ языки, приходили всевозможные послы и посланники, министры, прилетѣлъ на своемъ «Пограничникѣ» Эссенъ, пріѣзжалъ на «Невѣ» Григоровичъ, и мы просто измучились за это время отъ парадныхъ пріемовъ и встрѣчъ.

Наконецъ французы ушли. Всѣ получили, какъ всегда, высокіе награды и подарки, проводы были торжественны, французы проявили много расположенія и дѣйствительныхъ чувствъ къ Россіи. Потомъ, во время войны, за это имъ было заплочено съ процентами.

Въ это время умеръ большой другъ флагъ-капитана, знаменитый обитатель Гродненскаго переулка, — князь В. П. Мещерскій. За нѣсколько часовъ до его смерти флагъ-капитанъ ѣздилъ къ нему въ Царское Село на моемъ автомобилѣ, и по дорогѣ машину такъ поддало на отвратительномъ шоссе, что адмиралъ довольно сильно ударился о потолокъ лимузина, и, пріѣхавъ домой, гдѣ я его поджидалъ, замѣтилъ: — вотъ, ѣздилъ навѣстить умирающаго друга, да чуть самъ не преставился на нашихъ проклятыхъ дорогахъ!». —

А утромъ, на другой день, милѣйшій Н. Ф. Бурдуковъ, ближайшій къ Мещерскому человѣкъ, передалъ, что грозный публицистъ «Гражданина» скончался. Ниловъ ѣздилъ, по приказанію Государя, принять бумаги покойнаго, но я не видѣлъ у адмирала никакихъ пакетовъ. Флагъ-капитанъ очень скорбѣлъ по поводу смерти Мещерскаго, который всегда заѣзжалъ къ Ниловымъ передъ и послѣ пріемовъ у Государя. Какъ сейчасъ помню крупную фигуру князя, его пухлую, старческую руку, которую онъ подавалъ довольно вяло, и его отвисшую нижнюю губу, что придавало этому истинному сановнику, во фракѣ съ орденомъ на шеѣ, удивительно бюрократическій и даже типично министерскій видъ.

Послѣ ухода французовъ, по моему, сразу началась война. Пошли ультиматумы, Сазоновъ пріѣзжалъ каждый день къ Государю на «Невѣ» или «Стрѣлѣ», и наконецъ Германія объявила намъ войну.

Война началась...

20 Іюля, въ 2 часа дня, Государь со всей Семьей и большой блестящей свитой вышелъ на Императорской яхтѣ «Александрія», которая несла штандартъ Его Величества на гротъ-мачтѣ, что для этой яхты бывало очень рѣдко, въ Санктъ-Петербургъ на объявленіе войны.

Государь былъ спокоенъ, привѣтливъ, только какъ будто бы немного серіозенъ, но не скажу озабоченъ. Какъ только яхта отвалила, Государь поднялся на мостикъ. Была прекрасная, тихая погода. Конвоиры яхты, «Дозорный» и «Развѣдчикъ», летѣли впереди. Государыня съ Княжнами, въ тяжелыхъ царскихъ регаліяхъ, въ Екатериненскихъ цѣпяхъ и лентахъ, съ массой драгоцѣнностей, въ бѣлыхъ платьяхъ, сидѣли на ютѣ. Рядомъ съ Ея Величествомъ была статсъ-дама Е. А. Нарышкина и нѣсколько свитскихъ фрейлинъ. Я нѣсколько разъ подходилъ къ юту и бросалъ взгляды, что тамъ дѣлалось. Все время перехода всѣ молчали.

Никто не произнесъ ни слова. Министръ двора и прочіе чины свиты находились въ каютѣ министра, въ колесномъ кожухѣ, и здѣсь всѣ тоже молчали. Только Наслѣдникъ ходилъ по палубѣ и смотрѣлъ въ машинный люкъ на работу механизмовъ.

Яхта вошла въ дамбы канала, и когда проходила пристани порта, у нихъ стояли интернированные германскіе пароходы, на которыхъ были выставлены наши флотскіе караулы, на нѣсколькихъ со «Штандарта», съ офицерами съ яхты.

Государь, облокотившись на поручни широкого мостика, выдававшегося надъ кожухами зхты, разговаривалъ съ флагъ-капитаномъ. — «Какъ все странно, Константинъ Дмитріевичъ. Нѣмецкіе пароходы, и вдругъ матросы съ моей яхты!» — и Его Величество, грустно посмотрѣвъ на адмирала, спустился съ мостика.

Я стоялъ тутъ же. Ниловъ обратился ко мнй: — «Не странно, а великолѣпно! Помните ночь въ Килѣ, въ девятомъ году, когда мы погрузились углемъ и тихо ушли на разсвѣтѣ передъ смотромъ германскому флоту? Можетъ быть припомнили и это!» — и адмиралъ зло разсмѣялся.

По берегамъ стояли массы народа, всѣ кричали ура и бросали шапки въ воздухъ, а потомъ толпа побѣжала напрямикъ по порту, чтобы видѣть еще разъ Царя, когда «Александрія» входила изъ канала въ Неву.

Яхта пристала къ своей пристани у Николаевскаго моста, и Ихъ Величества, только Семья, перешли на императорскій катеръ «Петергофъ», на рулѣ котораго былъ лейтенантъ Вороновъ, рядомъ съ нимъ флагъ-капитанъ, я на кормѣ, а въ машинѣ инж. мех. Беккеръ. Никогда я не подумалъ бы, что это было послѣдній разъ въ жизни Ихъ Величествъ, всей Семьи, и насъ, всѣхъ вышеперечисленныхъ офицеровъ, что мы везли эту, священную теперь для насъ всѣхъ, Семью, такую красивую, такую величественную, такъ пышно одѣтую для послѣдняго Ихъ Высочайшаго выхода, правда, въ тяжелыя минуты объявленія войны. Только еще одинъ разъ во время войны Государь одинъ ходилъ на этомъ катерѣ въ торжественномъ случаѣ смотра одного изъ дреднаутовъ. Еще разъ Государь какъ то вызывалъ катеръ «Бунчукъ» или «Петергофъ» въ Александрію, покататься вечеромъ, но только съ княжнами и совсѣмъ запросто. Между прочимъ, я пытался спасти, во время революціи, эти прекраснѣйшіе катера, выпросивъ ихъ у Петроградскаго порта для моей флотиліи въ Выборгѣ, куда они были отправлены и благополучно прибыли, но въ это время я былъ арестованъ въ связи съ массовымъ убіеніемъ, при попустительствѣ Керенскаго, офицеровъ въ Выборгѣ, — такъ называемый Выборгскій аквaріумъ, когда хватали офицеровъ, бросали живьемъ въ воду, и разстрѣливали съ берега. По позднѣйшимъ свѣдѣніямъ катера эти попали къ бѣлымъ финнамъ и были спасены отъ разгромленія и варварства.

Такъ что парадный переходъ всей Семьи — былъ послѣдній. Ниловъ

приказалъ держать ближе къ набережной, чтобы дать народу, который запрудилъ всѣ парапеты Невы, возможность видѣть поближе Царя. Когда мы проходили мимо поплавка у Адмиралтейства, на которомъ въ ресторанѣ мы, морскіе офицеры, такъ часто засѣдали, какой то французъ въ энтузіазмѣ такъ кричалъ, махая широкополой шляпой: — «Хурра, хурра, тюэ лез аллэман!» — что Государь и дѣти разсмѣялись, и поклонились ему болѣе отличительно и внимательно. Государыня оставалась невѣроятно грустной и сосредоточенной.

На Невѣ, у Зимняго Дворца, какъ разъ противъ маленькаго Собственнаго Ея Величества подъѣздика, была установлена временная пристань, къ которой катеръ и подошелъ. Ихъ Величества пѣшкомъ перешли во дворецъ черезъ этотъ подъѣздъ, а свита и мы всѣ прошли черезъ Іордановскій, и по посольской лѣстницѣ, черезъ Новыя комнаты, вошли въ Николаевскій залъ. Онъ былъ переполненъ массой публики, военной и штатской, посрединѣ стояло духовенство для совершенія богослуженія. Здѣсь, въ этомъ залѣ, Государь произнесъ свою историческую рѣчь. Послѣ этихъ незабываемыхъ торжественныхъ и неописуемыхъ возбужденій и воодушевленій, Ихъ Величества вышли на балконъ на площадь Зимняго Дворца, и кланялись народу, который стоялъ съ иконами, хоругвіями и знаменами разныхъ обществъ и союзовъ. Это были десятки тысячъ людей.

Гвардія первой выступила на войну. Всѣ наши яхты, кромѣ «Александріи», кончили кампанію, и въ Гвардейскомъ экипажѣ образовывался батальонъ, который предполагалось отправить на сухопутный фронтъ.

Черезъ нѣсколько дней похода «Александріи» въ Петербургъ на объявленіе войны, флагъ-капитанъ получилъ приказаніе отъ Государя приготовить яхту опять для похода въ Петербургъ, только съ одной Государыней. Походъ былъ назначенъ на два часа пополудни. Адмиралъ недоумѣвалъ, зачѣмъ это Императрица одна могла итти въ Петербургъ, и только когда вся семья пріѣхала въ гавань проводить Государыню, Его Величество сказалъ флагъ-капитану, что Императрица ѣдетъ встрѣтить свою сестру, принцессу Баттенбергскую, которая черезъ Финляндію, инкогнито, пріѣзжаетъ на нѣсколько дней навѣстить Ихъ Величества въ эти тяжелыя минуты.

Весь переходъ до столицы Государыня сидѣла совершенно одна на ютѣ, закрывшись съ головой сѣрымъ тюлевымъ шарфомъ. Императрица была въ чрезвычайно подавленномъ настроеніи, и Ниловъ возмущался, почему это ни одна изъ великихъ княженъ не сопровождала Ея Величество.

Въ Петербургѣ яхта стояла у своей пристани, и, ожидая сестру, Государыня приказала сервировать чай въ нижней столовой. Къ этому чаю были приглашены только флагъ-капитанъ, командиръ яхты, адмиралъ Фалкъ, и я. Это былъ послѣдній въ моей жизни чай съ Императрицей Александрой Феодоровной. Надо сказать, что этотъ чай быъ очень

печальный, настроеніе у всѣхъ за столомъ было невыразимо нудное. Государыня молчала, флагъ-капитанъ пробовалъ говорить, но какъ то вяло и не находя темы, командиръ, Г. П. Фалкъ, былъ вообще молчаливой личностью, я же, конечно, тоже молчалъ. Къ счастью, очень скоро подъѣхалъ автомобиль и пріѣхала принцесса Баттенбергская. Она оказалась старше по виду Императрицы, одѣта очень скромно, въ сѣромъ костюмѣ и такой же сѣрой вуалѣ и шляпѣ, какъ былъ шарфъ на Государынѣ. Сестры обнялись въ слезахъ и сейчасъ же прошли на ютъ, гдѣ сѣли лицами къ кормѣ, такъ что видны были только ихъ спины. Государыня приказала сняться, и яхта пошла въ Петергофъ. Въ пути сестры о чемъ то очень горячо говорили. Въ Петергофѣ никто изъ Семьи не встрѣтилъ Государыню и гостью, и вообще изъ высшихъ чиновъ двора никого на пристани не было. Сестры , на автомобилѣ, уѣхали въ Александрію.

Черезъ нѣсколько дней «Александрія» опять ходила съ Государемъ въ Петербургъ, на смотръ дреднаута «Полтава». Его срочно докончили постройкой и онъ вступалъ въ строй.

Въ экипажѣ было образовано два двухротныхъ батальона, которые пройдя курсъ полевыхъ маневровъ и учебныхъ стрѣльбъ въ началѣ Сентября ушли на фронтъ.

Годъ закончился грустно. Въ Экипажѣ было пустынно, яхты стояли покрытыя зимними навѣсами, и даже инженеръ-механики пошли на фронтъ. Начали прибывать новобранцы и запасные, съ которыми не знали что дѣлать, распредѣляя ихъ по чужимъ судамъ и экипажамъ. На пополненіе батальона начали приготовлять смѣну, за обученіе каковой взялся командиръ «Штандарта», адмиралъ Зеленецкій. Я состоялъ, изъ любезности, и отъ бездѣлья, въ Экипажномъ судѣ. Пренепріятное занятіе.

Все шло плохо. Петербургъ сталъ Петроградомъ, говорятъ, по мысли министра двора, и веселился какъ никогда. Многіе интересовались, когда же можно будетъ ѣхать въ Берлинъ безъ паспорта. Грустное и трагическое время наступило...

Конецъ.

Князь Я. К. Тумановъ.

КАКЪ РУССКІЙ МОРСКОЙ ОФИЦЕРЪ ПОМОГАЛЪ ПАРАГВАЮ ВОЕВАТЬ СЪ БОЛИВІЕЙ

10 Декабря 1928 г.

За нѣсколько минутъ до 6 ч., когда я собирался уже уходить домой, А.* об'явилъ мнѣ, что хочетъ послать меня въ Bahia Negra въ ролѣ совѣтника при Honorio Benitez, который будетъ комадовать на сѣверѣ рѣчными силами. Просилъ руководить имъ, въ виду его неопытности. Я согласился при условіи полной свободы дѣйствій. А. просилъ меня набросать схему нашихъ отношеній и моихъ обязанностей. Наскоро набросалъ схему, кажется не упустивъ ничего важнаго и оградилъ себя отъ сюрпризовъ въ достаточной степени. Когда я подалъ А. эту схему, онъ никакъ не могъ понять § 3-го. Секретъ вскорѣ выяснился: дѣло въ томъ, что командующій рѣчными силами никакихъ директивъ отъ сухопутного начальства получать не можетъ, т. к. совершенно независимъ въ своихъ дѣйствіяхъ и командующему арміей не подчиненъ. Я заявилъ ему, что такое двоевластіе недопустимо и опытомъ нашей гражданской войны на рѣкахъ окончательно забраковано. На это онъ мнѣ заявилъ, что здѣсь этого дѣлать нельзя, т. к. сухопутные начальники настолько сѣры и ни уха ни рыла не смыслятъ во флотѣ, что если подчинить имъ послѣдній, они его погубятъ въ первые же дни войны. Вопросъ оставили открытымъ. Въ такомъ случаѣ, онъ, пожалуй, правъ и настаивать на подчиненіи флота сухопутному командованію мнѣ нѣтъ никакого смысла.

Просилъ пріѣхать послѣ ужина, чтобы обсудить детали. Пріѣхалъ, но А. остался вѣренъ себѣ. Засталъ его, послѣ сытнаго, повидимому, ужина, развалившагося въ креслѣ и дремлющимъ. Сказавъ, что вопросъ обсудимъ завтра, предложилъ доставить меня домой въ автомобилѣ, но я отказался и вернулся въ трамваѣ.

11 Декабря. Порядки — типично парагвайскіе. Съ утра — хлопоты объ обмундированіи. Я заявилъ А., что считаю неудобнымъ ѣхать въ зону военныхъ дѣйствій въ пиджакѣ и соломенной шляпѣ. Просилъ дать срочное распоряженіе интендантству сшить военную

* Капитанъ Aponte, Director del Departamento de Marina, такъ въ то время называлась должность Начальника флота. Подчинялся непостредственно Военному министру. Мое прямое начальство.

форму. Написалъ бумагу. Поѣхалъ въ интендантство. Милы и любезны, но... въ интендантствѣ нѣтъ ни одного метра матеріи хаки. Предложили сшить изъ солдатскаго, сине-сѣраго сукна. Отказался. Нѣтъ крагъ. Сшить въ короткій срокъ не могутъ, ибо сапожники завалены работой по шитью аммуниціи. Поѣхалъ къ Соломону Фишеру справиться о цѣнѣ матеріи. Фишеръ сразу же задалъ мнѣ вопросъ — будетъ ли война? На это я ему отвѣтилъ: — «что вы меня спрашиваете? Вѣдь вы же это всегда лучше знаете, чѣмъ военные министры! Поэтому, вы мнѣ скажите, будетъ ли война или нѣтъ? Что говорятъ «ваши»? Онъ, на минуту, задумался и затѣмъ тихо отвѣтилъ: — «наши говорятъ, что будетъ...»

Узнавъ цѣны, вернулся въ департаментъ, чтобы взять авансъ, купить матерію и отвезти шить костюмъ въ интендантство. А. сказалъ, что денегъ у него нѣтъ, но что онъ самъ поѣдетъ къ главному интенданту и попроситъ его купить матерію и сшить мнѣ костюмъ. Я ему снова сказалъ, что въ штатскомъ платьѣ я не поѣду и спросилъ его когда онъ думаетъ повидать Valdez'а, на что получилъ отвѣтъ, что «можетъ быть» сегодня послѣ обѣда. Послѣ этого, перешли на другія темы. Прокорректировавъ составленную мною вчера схему, онъ сдѣлалъ одну поправку, вычеркнувъ фразу, что въ случаѣ крупнаго расхожденія мнѣнія съ командующимъ, я имѣю право не принимать участія въ операціи. Я не протестовалъ, т. к. мнѣ самому эта фраза не нравилась, — что то отдавало трусостью. Затѣмъ, много говорили на тему о допустимости подчиненія флота сухопутному командованію. Онъ всячески старался убѣдить меня не только не настаивать на этомъ, но даже и не подымать такого вопроса. Я настаивать на своемъ не сталъ; съ эгоистической точки зрѣнія, такое положеніе вещей мнѣ много пріятнѣе. Съ точки же зрѣнія раціональнисти, — когда заговорятъ пушки, все будетъ такъ, какъ быть должно, и, придетъ само собой. Узналъ что «Adolfo Requelme»* уже на сѣверѣ и что я поѣду на пассажирскомъ пароходѣ. Оно даже пріятнѣе. Много больше комфорта. Боюсь только, что онъ уговоритъ меня ѣхать въ пиджамѣ, обѣщавъ выслать обмундированіе слѣдомъ.

Просилъ составить ему разсчетъ расходовъ на сконструированіе минъ для загражденія рѣки. Бѣгалъ послѣ обѣда по магазинамъ, справлялся о цѣнахъ. Бѣдность и убожество: въ магазинахъ торгующихъ электрическими принадлежностями нѣтъ гальванометра! Столица!

Въ городѣ спокойно. Съ сѣвера — никакихъ вѣстей. Если завтра будетъ такой же спокойный день, я увѣренъ, что въ четвергъ я не уѣду. Да и слава Богу, спѣшить некуда.

---

* Канонерская лодка. Лучшее судно, въ то время, парагвайскаго флота.

12 Декабря. Все утро исправлялъ экзаменаціонныя работы выпускныхъ кадетъ. По окончаніи — пошелъ къ А. спросить его, исполнилъ ли онъ свое обѣщаніе повидать интенданта. Конечно, онъ остался вѣренъ себѣ и ничего не сдѣлалъ. На мою просьбу дать мнѣ денегъ, чтобы я могъ купить матеріалъ самъ, онъ отвѣтилъ, что въ данный моментъ у него никакихъ денегъ нѣтъ. — «Хорошо», — сказалъ я: — «въ такомъ случаѣ, я пойду и займу у кого нибудь!»... — Такъ и сдѣлалъ; надѣлъ шляпу и пошелъ. — «Куда вы идете?» — спросилъ, увидѣвъ меня, А. — «Иду занимать деньги и покупать матеріалъ», отвѣталъ я и ушелъ. Пошелъ къ Б., занялъ у него 400 пезо, купилъ у Фишера матерію и отнесъ въ интендантство, гдѣ упросилъ главнаго закройщика сшить мнѣ костюмъ хотя бы къ пятницѣ (послѣ завтра).

Да, у насъ матросовъ такъ не отправляли въ командировку! Но я увѣренъ, что никуда я завтра не уѣду. Рѣшилъ явно показать А., что такъ не дѣлается. Уходя, не сказалъ ему обычнаго «hasta luego», а придя послѣ обѣда, прошелъ мимо него какъ мимо пустого мѣста. Ни о завтрашней поѣздкѣ, ни о покупкѣ минныхъ матеріаловъ и вообще ни однимъ словомъ о командировкѣ я не обмолвился. Рѣшилъ ни о чемъ не спрашивать. Молчитъ и онъ. И слава Богу!

13 Декабря. Съ утра держался той же тактики, — ни о чемъ не спрашивая и ничего не говоря, точно не я, а кто то другой долженъ сегодня ѣхать. Впечатлѣніе отъ утреннихъ газетъ — кислое. Повидимому, Боливія серьезно рѣшила лѣзть въ драку и за ея спиной есть какой то могучій покровитель и толкачъ. Она категорически отказывается признавать конвенцію Гондра**, несмотря на свою подъ нею подпись, и ея представитель на Вашингтонской панамериканской конференціи вышелъ изъ ея состава.

Моя тактика съ А. повидимому возымѣла свое дѣйствіе. Когда я, въ 11 час. уходилъ со службы, онъ, крайне любезно, пожимая мнѣ руку, объявилъ, что поѣздка моя утверждена министромъ, что я сегодня же послѣ обѣда получу деньги и чтобы я готовился къ отъѣзду, но конечно, не сегодня, а съ ближайшей оказіей. Придя послѣ обѣда, засталъ его отдающимъ аспиранту распоряженія о покупкѣ всѣхъ нужныхъ для миннаго загражденія матеріаловъ по составленному мною списку. Когда я сказалъ ему, чтобы онъ имѣлъ въ виду, что здѣсь имѣется крупный спеціалистъ по минамъ — И. И. Исаковъ, онъ просилъ сейчасъ же пригласить его къ намъ.

Привезъ Ивана Ивановича*. Дѣлали опыты устройства электрическаго запала изъ волосковъ электрической лампочки. Опытъ

** О раздѣлѣ пограничной территоріи Чако, каковой вопросъ привелъ въ концѣ концовъ къ войнѣ между Боливіей и Парагваемъ.

былъ удаченъ. Завтра попробуемъ соорудить настоящій запалъ и испробовать его индукторомъ (авіаціонное магнето). Денегъ, конечно, не получилъ. Вечернія газеты — болѣе успокоительныя. Боливія вновь вошла въ Пан-американскую Вашингтонскую конференцію.

14 Декабря. Тишина и спокойствіе. За цѣлый день никакихъ событій. Ни матеріаловъ, ни денегъ, ни даже разговоровъ объ этомъ. Читаю «борьбу на рѣкахъ» и «форсированіе рѣкъ из практики гражданской войны в' Россіи».

15 Декабря. Послѣобѣденное время бѣгалъ по лавкамъ съ аспирантомъ, покупая все необходимое для минныхъ опытовъ. Завтра будемъ дѣлать опыты съ запалами. Вечеромъ, поѣхали съ А. на автомобилѣ въ Puerto Sajonia за индукторомъ. Присутствовалъ при спускѣ «Coronel Martinez'а» на воду послѣ окраски подводной части Вернулись поздно. Попалъ въ церковь къ шапочному разбору.

Проводили Николая Францовича, но пароходъ не отошелъ, т. к. не пришелъ еще съ сѣвера. Н. Ф. ночевалъ дома; отходъ парохода назначенъ на 8 час. утра завтра.

16 Декабря. Несмотря на праздничный день, пришелъ утромъ въ департаментъ, чтобы производить опыты съ магнето и запалами. Просилъ придти и Ивана Ивановича. Во время разгара нашей работы, около 10 час. утра, получено радіо, сообщавшее, что боливійцы перешли въ наступленіе. Наступаютъ вдоль Pilcomayo. Заняли два нашихъ форта; защищавшіе ихъ гарнизоны отступаютъ ввиду большого превосходства силъ противника. На Bahia Negra былъ налетъ аэроплановъ. Потерь нѣтъ.

Днемъ вывѣшенъ декретъ о мобилизаціи отъ 18 до 29 лѣтъ, офицеры — до 50 лѣтъ.

17 Декабря. Вчера вечеремъ, несмотря на праздничный ден, вышла газета «El Liberal» съ оффиціальнымъ сообщеніемъ съ фронта, декретомъ о мобилизаціи и комментаріями газеты. Оффиціальное сообщеніе съ фронта, данное Военнымъ Министерствомъ, для опубликованія въ газетахъ, въ числѣ прочаго говоритъ: «Bahia Negra бомбардировалась боливійскимъ аэропланомъ, сбросившимъ четыре бомбы, которыя не взорвались». О, святая простота! Передавая газету А. и указывая ему на это сообщеніе, я сказалъ ему: — «опубликовывая такія вещи, вы можете быть увѣрены, что въ слѣдующій разъ бомбы навѣрное взорвутся». —

Въ нашемъ миломъ государствѣ, повидимому, имѣютъ очень смутное понятіе о военной цензурѣ, о ея значеніи, и, даже, необходимости.

---

* И. И. Исаковъ, русскій военный министръ, на парагвайской службѣ, въ министерствѣ Obras Publicas, соотвѣтств. нашему Путей Сообщенія.

До 10 час. вечера работалъ съ Ив. Ив., дѣлали запалы.

18 Декабря. Сегодня, съ утра, въ городѣ творится что то невообразимое. Первый день общей мобилизацiи. Толпы резервистовъ, все больше безусая молодежь, вездѣ и всюду. Непрерывные крики: «Abajo Bolivia!». По словамъ газетъ — энтузiазмъ, не поддающiйся описанiю. Утреннiя газеты сообщили, что наши отбили у боливiйцевъ два форта обратно. «Превосходныя силы непрiятеля», повидимому, оказались на самомъ дѣлѣ количественно не Богъ вѣсть какими, ибо форты отобраны обратно лишь однимъ эскадрономъ кавалерiи, цѣной одного убитаго офицера, шести солдатъ и нѣсколькихъ раненыхъ.

У насъ въ департаментѣ съ утра ступа непротолченая отъ резервистовъ и вновь призываемыхъ. Передъ зданiемъ — толпа бабъ. Большинство настроено очень весело. Первый день войны — всюду одно и то же: бодрость, веселье, огромный подъемъ, «дорогая родина», «умремъ за отечество» и т. д.

19 Декабря. Пароходъ «El Toro».

Вчера, въ 11 час. дня, когда я выходилъ уже изъ департамента, А. объявилъ мнѣ, что мнѣ въ тотъ же день нужно выѣзжать въ Bahia Negra. Повидимому, эта блестящая мысль пришла ему въ голову лишь въ тотъ самый моментъ, ибо за полъ часа до того мы съ нимъ мирно обсуждали наши дальнѣйшiе опыты съ запалами (приготовленные нами запалы отлично взрывались отъ нашего магнето лишь по одиночкѣ, но групповые взрывы не удавались), и, о моемъ отъѣздѣ не было ни слова. Я ему отвѣтилъ, что я готовъ и могу выѣхать, но какъ же будетъ съ минами.

— «Мины будетъ продолжать изготовлять Исаковъ», — отвѣтилъ А., — «вамъ же нужно какъ можно скорѣе ѣхать въ Bahia Negra, т. к. я боюсь что Benitez по свей молодости и неопытности натворитъ что нибудь несуразное».

Я согласился и выпросилъ лишь у него, чтобы онъ далъ Ив. Ив. въ помощники Твердохлѣбова, а по изготовленiи минъ, выслалъ бы его мнѣ вмѣстѣ съ минами и всѣмъ необходимымъ матерiаломъ въ Bahia Negra.

Тутъ же Milton выдалъ мнѣ, по приказанiю А., 1500 пезо въ счетъ прогонныхъ денегъ. Побѣжалъ дѣлать покупки и къ 6 ч. вечера былъ готовъ къ отъѣзду. Одѣлся въ хаки, облачился въ краги и въ пробковый англiйскiй шлемъ. Видъ воинственный — хоть куда! Отходъ парохода назначенъ въ 7 час., но я не первый день въ Парагваѣ и былъ 8-й часъ когда я прiѣхалъ въ департаментъ. По пути встрѣтилъ только что призванного изъ запаса офицера флота, который былъ, повидимому, уже освѣдомленъ обо мнѣ, и, отрекомендовавшись капитномъ «El Toro», сказалъ, что пароходъ отойдетъ какъ только получитъ разрѣшенiе А. Меня провожали

мои дамы и дамы Эрна. Посидѣли въ департаментѣ, и, оттуда, взявъ матроса для вещей, отправились всѣ, ведомые капитаномъ, на пароходъ.

«El Toro» въ этотъ день только пришелъ съ сѣвера и былъ реквизированъ правительствомъ для казенныхъ надобностей. Поэтому хозяинъ парохода счелъ за благо убрать все убранство каютъ, до матрасовъ включительно. Такимъ образомъ, придется опать на голыхъ доскахъ.

Главный контингентъ пассажировъ 1-го класса — студенты медики, въ количествѣ около 50 человѣкъ. Все — безусая молодежь, причемъ нѣкоторые изъ нихъ именуютъ себя докторами. Упаси Боже очутиться въ роли паціента въ ихъ рукахъ! Лейтенантъ Keim руководитъ погрузкой военныхъ грузовъ и гарантировалъ мнѣ, что до 11 час. «El Toro» не выйдетъ. Успѣлъ съѣздить домой, захватить подушку и покрывало, и, главное, маленькую икону Божьей Матери, бывшую со мною еще въ минувшую войну на моемъ «Живучемъ». Вернувшись въ 12-омъ часу на пароходъ, нашелъ на немъ Recalde, который возвращается въ Consepción и везетъ съ собой 800 чел. пополненія. Люди эти прибыли около 1 часа ночи.

Тронулись въ 1 ч. 30 мин. Уже выйдя въ рѣку, комендантъ отвелъ меня въ отведенную мнѣ каюту на верхнемъ мостикѣ и далъ мнѣ въ мое распоряженіе вѣстового матроса. Съ его помощью, постеливъ на досчатую койку одѣяло, поверхъ него покрывало, а затѣмъ простыню, устроилъ постель. Съ наслажденіемъ снялъ съ себя непривычныя краги, и, несмотря на жесткую, узкую и короткую койку, съ громаднымъ удовольствіемъ вытянулся и заснулъ подъ давно не испытываемое потряхиваніе машины. Среди ночи нѣсколько разъ просыпался отъ бурнаго веселья будущихъ Пироговыхъ, которые все никакъ не могутъ успокоиться. Пѣніе и бренчаніе на піанино почти не прерывается.

Всталъ сегодня въ 9 час. Встрѣтилъ Салазкина*; ѣдетъ въ Consepción ставить разборный сарай, который везетъ съ собой. Очень радъ, есть съ кѣмъ словомъ перемолвиться. Recalde спитъ почти непрерывно; при немъ, конечно, какой то мальчикъ. Комендантъ — милъ и любезенъ до нельзя. Жарко. Тѣневая сторона забита веселыми «хирургами». Каюта моя — на западную сторону и послѣ полдня солнце нажариваетъ ее во всю. Что то будетъ въ Bahia Negra!

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

* Бывшій офицеръ Текинскаго Коннаго полка. Во время войны съ Боливіей геройски погибъ въ одномъ изъ боевъ. Его именемъ названа одна изъ главныхъ улицъ Асунсіона и написана драма, озаглавленная «Salazkin». Авторъ этихъ воспоминаній видѣлъ эту драму въ постановкѣ о. о. іезуитовъ.

Printed by Rausen Bros. 417 Lafayette St., N. Y. 3, N.Y.